

Василий Пряхин

12+

АМУЛЕТЫ

Василий Пряхин

Амулеты

«Автор»

2018

Пряхин В. В.

Амулеты / В. В. Пряхин — «Автор», 2018

Перед смертью бабушка, Валентина Степановна, рассказала главному герою, двенадцатилетнему Дмитрию, о неведомом для человечества мире – Иллюзионе. Она оставила ему шкатулку, в которой спрятала подсказку, где найти волшебные амулеты, способные перенести в Иллюзион. Дмитрий, мечтатель по натуре, верит тому, что рассказала ему бабушка и без лишних раздумий собирается в далекое и опасное путешествие. Он берет с собой отца Андрея Николаевича, лучшего друга Вову и его сестру Таню. Им предстоит открыть новый мир, в котором идет непрерывная битва между Добром и Злом.

© Пряхин В. В., 2018

© Автор, 2018

Пролог

Здравствуйте!

Меня зовут Дмитрий Орлов. Я прожил долгую и счастливую жизнь. Именно счастливую жизнь, несмотря на тот факт, что в последнее время она состояла только из одних потерь.

Первое осознание того, что я буду неуклонно терять, пришло ко мне, когда мне исполнилось сорок семь лет или сорок восемь. Сейчас и не вспомнить. Да и важно ли? Ей-богу, спорный вопрос! Главное, я помню, что двадцать седьмого марта N-года моя единственная дочь Виктория вышла замуж за офисного клерка Анатолия, с которым мы так и не подружились, как бы я не пытался наладить с ним контакт.

После церемонии бракосочетания я плакал. Нет. Я рыдал, как рыдал бы любой родитель на моем месте. Я понял простую истину, что моя дочь выросла, превратившись из скромной и наивной девочки в самостоятельную женщину. Что она ускользает из моей жизни, исчезая в дымке одинокой старости. Что теперь ее сердце принадлежит ему и только ему.

Потом умерла моя любимая жена, с которой мы прожили в счастливом браке больше пятидесяти лет. Мы успели отпраздновать «золотую» свадьбу. Что-то внутри меня умерло, вместе с ней. Я думал, сойду с ума: рассудок затуманился. Но постоянная поддержка дочери помогла мне пережить потерю любимой женщины, матери и лучшего друга. Именно друга, с которым мы вместе преодолели жизненные трудности и препятствия. Мы вместе скоробили и оплакивали своих умерших от старости родителей и радовались таким мелочам (а вся наша жизнь состоит из мелочей!), как повышение на работе.

... Два года назад Виктория погибла в крупной автокатастрофе. В ее старенький «Шевролет» врезался пассажирский автобус: отказали тормоза. В чудовищной аварии погибло еще десять человек. Виктории было всего шестьдесят шесть. Вот тогда мое сердце не выдержало, у меня случился первый инфаркт. Я чудом выжил, за что проклинал Господа. Я не хотел дальше жить, я не видел смысла в опустевшем мире, где я остался один – дочь не могла родить ребенка, я так и не стал дедушкой – со своим радикулитом и еле работающим сердцем. И через месяц после первого инфаркта, у меня случился второй...

... И я снова чудом выжил. Посчитав, что это знак свыше, я решил жить, невзирая ни на что.

Недавно мне исполнилось девяносто девять лет. Выдающаяся дата. Конечно, девяносто девять – не лучший возраст.

Помню, когда мне было двадцать лет, в те дни мир, казался, молодым и зеленым, я не мог нарадоваться жизнью, все в ней пленило и расслабляло, не было никаких проблем, ни ответственности, ни ежедневных, монотонных и будничных забот. Я был холостым студентом, который познавал не только нудные научные дисциплины по маркетингу и менеджменту, но и другие более нужные и естественные науки, как наука ухаживания за девушками, наука достижения поставленных целей. И другие.

Именно в двадцать лет я впервые увидел свою будущую жену на одной из студенческих вечеринок.

И понеслось. Как будто кто-то свыше нажал на рулетку жизни. От первого нежного поцелуя к первой влюбленности (к первой взаимной симпатии). От влюбленности к первой большой и «крепкой» любви, это, когда ты уже четко понимаешь разницу между первой романтикой и настоящей дружбой двух противоположных полов, где каждый идет друг другу на уступки (а больше никак!). От первой любви к молниеносному обмену кольцами в знак нашей взаимной и вечной любви перед Богом, перед дорогими людьми, перед всем миром, в конце концов. От волшебной свадьбы к первому ребенку, который незаметно для нас стал смыслом жизни. Мы стали семьей, которую нужно было кормить и обеспечивать.

Жизнь – стремительная река. Особенно, когда устраиваешься на работу. Время словно разгоняет свои невидимые стрелки, сменяя зиму на весну; весну на лето; лето на осень; осень на зиму. Не успеваешь проснуться, как видишь перед глазами дочь, которая уже превратилась в юную красавицу и пошла в колледж, а жена в зрелую женщину с первой седой прядью на голове. Ты понимаешь, что ты уже стареешь. Хотя вроде бы только вчера начал жить.

В двадцать лет я думал, что до пятидесяти так далеко, что этого никогда не случится. Как же я ошибался. Это всего пятьдесят белоснежных зим. Всего!

Время никого не жалеет. Все мы – смертны. Казалось, еще вчера я просыпался от оглушительного крика шестимесячного ребенка в соседней комнате, от стонов любящей жены во сне... теперь я просыпаюсь в маленькой и одинокой палате от криков больных стариков, которые мне стали единственными друзьями на этой земле. А самое паршивое из всего этого то, что, когда ты открываешь глаза, вернувшись из мира сновидений, ты понимаешь, что тебе уже далеко не двадцать лет.

А девяносто девять. Ужас!

В девяносто девять я стал смотреть на свое сморщенное и обвисшее тело не с таким открытым отвращением как раньше. Наверное, привык. Хотя поверьте, очень тяжело осознавать, что ты уже давно и бесповоротно постарел, что каждый вздох может быть последним, что ты никому не нужен. Последнее, невыносимо угнетает. У каждого человека будут мысли подумать о самоубийстве. И не надо мне доказывать обратное убеждение. Вы просто молоды! Я тоже думал об этом в свое время. Но уверен, что никогда не смог бы посягнуть на собственную жизнь, я ее слишком ценил, как дар Божий. И всегда считал, что в жизни больше хорошего, чем плохого.

Как вы заметили, я смотрю на мир в очках оптимиста. Это всегда мне помогало. Помогло, когда мы потеряли свой дом из-за лесных пожаров. Наш дом был выстроен в непосредственной близости от Уральских лесов, которые часто вспыхивали от халатности людей, но в основном от сильной жары в летнее время года (тогда сгорела большая часть нашей милой улочки). Мы остались у разбитого корыта. Без крова. На улице. Одни. Но это горе не сломило нас, а наоборот: закалило характер. Мы построили новый дом, в который вернулись прежние составляющие: уют и спокойствие. Все шло по-прежнему. Своим чередом...

Только к старости понимаешь истинный вес времени. Время – бесценно. Его не купишь и не продашь. Время – быстрая и опасная река, которая когда-то была полна, а теперь суха. Когда ты молодой и полон сил и энергии, время словно останавливает свои невидимые стрелки. Но, когда ты немощный пенсионер, время в одночасье становится безжалостным и беспощадным к тебе, разгоняя стрелки часов.

Казалось бы, еще вчера я смотрел в зеркало и видел в нем подтянутого и молодого мальчишку с шикарной шевелюрой (сейчас я наблюдаю, к моему большому сожалению, реденькие волосенки, как у ребенка) без единой морщинки на лице, на котором сияла добрая и лучезарная улыбка. Все медсестры говорят, что добрую улыбку я сохранил и по сей день. Знаете ли, это очень приятно, учитывая тот факт, что сейчас я хожу в ровных и белоснежных зубных протезах: свои зубы я потерял еще в далеком 2044 году от парадантоза, когда мне было всего-то пятьдесят пять. Да, было время!

Конечно, сморщенное тело, это полбеда. Меня больше волнует мое больное сердце, которое в последнее время стало барахлить. Как я говорил ранее, я перенес два тяжелых инфаркта. Врачи сказали, что следующего инфаркта я уже не переживу. Не думайте, что я отчаиваюсь, для меня смерть – это естественный и завершающий этап моей долгой жизни. Увы, без нее никак.

Как бы это не звучало печально, но больничный корпус стал для меня родным и единственным домом. В нем лучше, чем в пустом и покинутом доме. Во-первых, здесь за мной ухаживают, кормят и «выгуливают» под строгим наблюдением врача в строго определенное время,

в семь часов вечера, если быть точным. Во-вторых, можно пообщаться с такими же, как я развалинами, обсудить типичные проблемы стариков – радикулит, сколиоз, провалы памяти...

Я стал многое забывать. Память словно сама стирает определенные этапы жизни. Вчера я не мог вспомнить, почти два часа, как зовут мою дочь. Я плакал, злился на самого себя, но вспомнил. И это главное!

Вы скажите: «Ну и старый пердун! Совсем обнаглел! Почти сто лет и жалуется на свои провалы памяти и морщинистую кожу!». И вы будите, абсолютно правы. Я ни имею право жаловаться на такие мелочи, как еле бьющееся сердце. Сейчас молодые люди умирают в сорок, а то и тридцать лет. Плохая экология подкинула новому поколению ужасную подлянку – слабый иммунитет ко всякой заразе, которая заполонила наш дряхлый и истощенный мир. Я виню в этом себя, как и все человечество, которое поздно осознало, какой урон нанесло природе.

Но не будем о глобальных проблемах мира сего. Я и так слегка отошел от того, что задумал.

Как я говорил ранее, я стал многое забывать: детство, школьные годы, работу, иногда жену. Так бывает, когда вам девяносто девять.

Но я отчетливо помню, как в двенадцать лет одна история изменила меня раз и навсегда. Двенадцать лет – вот где пристанище для дивных воспоминаний, которые с годами человек бесследно забывает.

Я никогда и не кому ее не рассказывал. И не рассказал бы, да вот не дают мне покоя Иллюзион... я остро нуждаюсь в том, чтобы записать эту историю на бумаге, пока она не стерлась в моей памяти, как ненужная информация.

Вы можете мне не верить. Вы имеете на это полное право. Но для начала задумайтесь, зачем почти столетнему старцу, у которого скоро откажет изрядно износившийся моторчик, обманывать вас и самого себя?

Если же Вы мне не поверите, это не сильно меня расстроит. Честно! Я к этому времени скорее всего буду уже на небесах вместе со своей любимой женой и дочерью и парить, как гордая и вольная птица в пористых облаках, не чувствуя постоянно ноющей боли. Боли утраты.

Еще раз прошу меня извить за то, что с самого начала отступил от своего рассказа, повествуя о своей счастливой жизни.

Начнем? Тогда смелее переворачиваете страницу, чтобы отправиться в самое невероятное приключение в вашей жизни. Вы отправляетесь в Иллюзион.

ЧАСТЬ 1

АМУЛЕТЫ

Глава 1

Все началось с того, что мой отец, Андрей Николаевич Орлов, разбудил меня ранним воскресным утром, чтобы я отнес лекарство нашей любимой бабушке, Валентине Степановне. Ей было под восемьдесят. В последние два года она сильно болела: тело сковал стальными цепями ненавистный артрит, а давление повышалось до критической отметки. Из больницы ее выписали месяц назад, так и не сбив давление до необходимой нормы. Я спросил у отца: «Почему ее выписывают из больницы, когда она еще больна?». Отец ответил мне: «Врачи посчитали, что она *слишком* долго лежит в их отделении, занимая место для тех, кто еще излечим». В свои двенадцать лет я хорошо понял, что имел в виду отец. Я возненавидел врачей!

Поначалу я не хотел вставать. Кому охота вставать воскресным утром и идти через весь город к бабушке? Но хочешь, не хочешь – а надо. Поэтому я встал с недовольной, сонной миной на лице и пошел в ванную чистить зубы перед завтраком: ароматный запах яичницы обволакивал нашу маленькую уютную квартиру. Мама, как обычно встала пораньше.

И почему им не спиться? – подумал я про себя.

В двенадцать лет почти никогда не понимаешь родителей. Они кажутся тебе чересчур правильными, чересчур умными, чересчур занудными. Как книги по истории или по литературе. Потом уже с годами понимаешь их суть бытия, становясь их точной копией, как бы тебе этого не хотелось в детстве. Так устроена наша жизнь. Человек с годами становится мудрее и нуднее. Его сердце умирает. Никуда от этого не деться.

Я умылся. Съев великолепную яичницу, состоящую из трех яиц, кусок свежего хлеба с толстым слоем высококалорийного масла, я пошел одеваться, как вдруг мама мне говорит, при этом успевая сбивать вязкое тесто, которое обволакивало ее нежные руки:

– Дмитрий, не забудь после того, как сходишь к бабушке, сходить к семье Блинковых и купить у них козьего молока. Деньги лежат на прихожей. На сдачу можешь купить себя все, что захочешь. Хорошо, милый?

– Да, мам. Будет сделано, – сказал я и посмотрел на ванную дверь, из которой вышел взбодрившийся отец с широкой улыбкой на лице: даже казацки усы удлинились от располагающей улыбки. Не зря он работал учителем географии в старой и маленькой школе.

– Ну что проснулся сынок или еще нет? – спросил он.

– Почти. Холодная вода взбудрила. А плотный завтрак снова приглашает на сон, – улыбаясь, ответил я, глядя на его редкие волосы на голове.

Скоро у меня будут такие же, – подумал я. И не ошибся, проверив эту теорию через пару десятилетий.

– Кто рано встает, тому Бог подает, – сказала мама звонким голосом из кухни, где продолжала мять тесто.

– Мама правильно говорит. Не спи, а то замерзнешь, – отец по-дружески стукнул меня по плечу и исчез в большой комнате все с той же лучезарной улыбкой на лице. Он радовался очередному повышению на работе. Он стал заместителем директора.

Из комнаты раздался его голос:

– Дмитрий, ты молодец. Мы с мамой тобой гордимся, сынок.

– Спасибо, пап, – мне было очень приятно слышать столь теплые слова о себе. – Я скоро приду! – крикнул я, одевая пошарканные коричневый туфли.

– Будь осторожен, любимый, – сказала мама.

– Хорошо!

Утро выдалось отличным. Светало. Птицы звонко пели любовные серенады, а то и романсы. Солнце выходило из-за горизонта. В воздухе витал осенний морозец. Осень все ближе и ближе подкрадывалась к нашему городу, обрамляя его улицы в золотистое одеяние.

В хорошем настроении я дошел до бабушкиного дома, любуясь красотами Уральской местности. Ранней осенью было особенно красиво, светило яркое солнце, освещая и давая жизнь умирающим листочкам. Но затем приходила поздняя осень, и бесконечные серые тучи затягивали небо, красота испарялась так же быстро и бесследно, как молодость. Вроде бы вчера деревья были усеяны желтыми листочками, как через пару мгновений от их былой пышности и роскошности оставались только зловещие силуэты голых чудовищ, по веткам которых стекал противный осенний дождь.

Отрыв входную дверь, я снял верхнюю одежду и вошел в маленькую комнату, в которой спала бабушка на большой и мягкой постели, занимающей почти все пространство тесной комнатухи. Напротив кровати стоял деревянный комод, на котором располагался старенький отечественный черно-белый телевизор «Горизонт» (он весил больше 36 килограмм!) и небольшой платяной шкаф для одежды.

Насколько я помню, мы с бабушкой были лучшими друзьями. Она всегда со мной играла и пекла самое лучшее печенье на свете, оно было настолько нежным, что мгновенно таяло во рту, словно плитка вкусного шоколада. А как она танцевала и пела! Приятный голос вкупе

с восточными, завораживающими танцами всегда снимали бурю аплодисментов на всех днях рождениях и праздниках. Она словно менялась в танце: живая, энергичная, веселая.

А теперь она лежит целыми днями в кровати. Седые, вьющиеся волосы превратилась в ломкую солому. Похудевшее и постаревшее лет на десять лицо было нахмуренно, брови прижаты друг другу, как будто она чем-то была не довольна. Тощее тело было накрыто белой простыней.

Она спала, тихо сопя. Ее грудь медленно вздымалось и опускалось. У меня на глазах появились горькие слезы: одна слеза скатилась по щеке. Я сдержался, чтобы не заплакать.

Положив на комод лекарство, я достал из верхнего отсека прибор для проверки давления. Я уже не раз приходил к ней по утрам, чтобы проверить ее давление. Я сначала не понимал, зачем я это делаю. Ведь мама и так каждый день приходит ухаживать за бабушкой. Но после двух или трех визитов, я понял их цель – навестить бабушку, поговорить с ней, отвлечь ее и свои мысли от всего плохого. Например, мысли о смерти, которые меня пугали до дрожи в коленках. Я ее боялся. Боялся, что ОНА заберет мою бабушку. Я не хотел ее отдавать. Я молился о ее выздоровление. Я ее безумно любил.

– Бабуль! – почти шепотом сказал я, одной рукой аккуратно касаясь ее лица. – Просыпайся.

– Дмитрий, – сонным голосом сказала она, открыв свои большие голубые глаза. Она улыбнулась. – Я рада тебя видеть, внучок. Ты пришел измерить мне давление? – Я кивнул. – Может, сначала выпьем с тобой по чашечке крепкого кофе?

– Но, бабуль! Тебе же нельзя пить кофе, – возразил я.

– Да я знаю, что мне нельзя. Но когда что-то запрещают, еще больше хочется. Ты ведь меня понимаешь? Пока мы одни. Вдвоем. Нарушим правила. Попьем крепкого кофе со сладкими сушками. Мне нужно тебе кое-что рассказать до прихода твоей матери – моей любимой дочурки. Я уверена, тебе понравится мой рассказ.

– Но... – хотел запротестовать я, как вдруг она меня перебила.

– Без всяких «но» Дмитрий. Сделай бабушку счастливой. Налей горячей, но не кипящей воды в белые, узорчаты кружки. Положи себя пол-ложечки, а мне ложечку, желательно с горочкой крепкого растворимого кофе «Бушидо». И про сахар не забудь. По две ложки. Понял, мой милый? – нежным, материнским голосом сказала бабушка.

– Я понял, – ответил я и пошел на кухню.

Я сдался, хотя был хорошо осведомлен, что бабушке категорически запрещалось пить кофе. Но как я мог отказать любимому человеку, который улыбается такой нежной и приятной улыбкой?

– Спасибо, – сказала она, осторожно и медленно взяв чашечку крепкого кофе из моих рук. Она сделала глоток и застонала от удовольствия, когда черный напиток скользнул по ее гортани, согревая ее тело. Она была счастлива, улыбаясь невинной улыбкой. В тот момент, я увидел в ее глазах ту живую и энергичную бабушку, которой были нестрашны никакие болезни. Некогда поникший огонек в ее глазах на мгновение загорелся ярким пламенем.

– Не за что, бабуль! Меня родители убьют за то, что я сделал, но как я мог тебе отказать? – Я отлил кофе. – Ты мне обещала рассказать историю. И еще она должна мне понравиться, помнишь? – ехидно улыбаясь, напомнил я.

– Какой же ты нетерпеливый. Не даешь бабушки насладиться хорошим кофе. Я не пила его больше двух лет. Как я по нему соскучилась, – сказала она, глядя на полупустую чашку. Она подняла голову и посмотрела на меня. Немного погодя, словно гипнотизируя меня, она начала рассказывать:

– Ты, возможно, не поверишь мне. Скажешь, что я сошла с ума на старости лет, придумав всякие невероятные байки, лежа на постели. Но это правда. От первого до последнего слова.

– Бабуль. Я уже верю тебе. Как ты можешь обмануть внука?

– Вот именно. Ты знаешь, что обманывать я не мастерица. И тем более я не писатель, придумывающий в тесном кабинете фантастические миры.

– Фантастические миры? – озабоченно спросил я.

– Да, Дмитрий. Фантастические миры, которые окружают нас. Они повсюду. Просто мы их не видим, не можем почувствовать или коснуться пальчиком, как к этой чашке. Они за невидимой дверкой наших глаз, поэтому мы их и не видим.

– Но, ба! Как ты узнала, что они существуют?

Эта невероятная история с первых слов захватила меня в плен. У меня загорелись глаза.

– Не торопись. Я тебе сейчас все расскажу, – сказала она, допивая кофе, отдавая пустую узорчатую кружку в мои руки. – Отнеси на кухни и помой с мылом, потом поставь их на то самое место, где и взял, чтобы мама ничего не заподозрила.

– Хорошо, ба. Я мигом, – ответил я и побежал на кухню.

– Не торопись.

– Когда ЭТО произошло, – начала бабушка свой рассказ, – я была примерно такого же возраста, как ты. Я училась в старой деревенской школе. У нас было всего пять классов образования. Школа мне никогда не нравилась. Сидеть на деревянных скамейках за деревянными партами целый день, слушая нудные лекции строгих учителей, было не по мне. Поэтому я иногда прогуливала уроки. Говорила родителям, что сильно простудилась и оставалась дома одна.

Целый день был в моем расположении. И никаких заумных мыслей, правил и ответственности. Безграничная свобода. Свобода перемещений. Мне всю жизнь нравилось путешествовать. Еще с самого детства. Побывать в неизвестных и красивых местах, посмотреть на мир – вот была моя мечта.

– Ба! А почему ты тогда не путешествовала, когда могла ходить? Насколько я помню, ты никогда не выезжала за пределы нашего городка.

Она усмехнулась и продолжила дальше.

– Да, ты прав. Я никогда за всю свою сознательную жизнь не выезжала дальше нашего города. Мне этого и не надо было. Я путешествовала в другом, скрытом от глаз человека, мире. В Иллюзионе.

– В Иллюзионе? – взволнованно спросил я, полностью погрузившись в невероятную историю.

– Да, внучек. В Иллюзионе. Это мир неведом для простых смертных, населяющих нашу планету.

– Но мы ведь тоже смертные. Как ты могла туда попасть?

– Ты снова торопишь события. Но мне нравится читать в твоих глазах заинтересованность и неподдельный интерес к этой сумасшедшей истории. Поэтому я и решила рассказать тебе ее, – сказала она.

– Ты не рассказывала моей маме? – спросил я.

– Пыталась. Но она только посмеялась надо мной. И быстренько забыла об этом, так и не поверив мне. – В ее голосе звучали обидные нотки.

Она отвернулась от окна, в котором завывал осенний ветер, посмотрела на меня, точнее сказать: на мои изумленные глаза.

– Ты же мне веришь? – спросила она.

– Конечно, бабуль! Но почему она тебе не поверила?

– Я не знаю. И уже не хочу знать. Ты слушаешь?

– Ой, прости. Я внимательно слушаю тебя, – сказал я и аккуратно лег рядышком с ней, обнимая ее за шею.

– Вот. Когда мои родители уходили, я не лежала дома. Это было слишком скучно. В то время не было ни телевизоров, в которых гоняют с ночи да утра мыльные оперы, ни даже радио.

Вот такая я древняя. – Мы засмеялись. Потом бабуля сильно закашляла. Мне стало не по себе. Как будто внутри ее тела пробежала слизистая вулканическая порода. Когда кашель прошел, она продолжила. – Я всегда убегала в лес и развлекала себя как могла. Придумывала разные миры со своим населением, со своими правилами, где я была доброй королевой, которая оберегала своих поданных слуг и жителей от злой и нечистой силы. Я растворялась в прекрасной атмосфере единения с природой, которая в то время дышала всеми красками жизни. Ни как сейчас. Не встретишь не одного зверька. Ужас.

В нашем лесу, вблизи города – раньше город был намного меньше, чем сейчас – можно было встретить миллион пушистых белочек, грациозно и изысканно грызущих спелые орешки, скидывающих скорлупу с веток. Многообразие птичьих представителей: от гордых, пролетающих мимо орлов до дятлов, непрерывно стучающих по дереву. А также ежей, бобров, белых пушистых веселых зайчиков, змей, рысей, волков и даже медведей.

Однажды я увидела серого медведя. Очень испугалась. Я побежала с криками прочь от моего царства к себе домой. Медведь, наверное, сам дико испугался от моего девичьего вопля, нарушавшего безмолвную тишину леса. Я бежала, что было сил, не глядя под ноги. И упала, зацепившись ногой за корень дерева.

Я помню, что содрала колено до крови. Как и подобает девочке, я звонко заплакала, закрыв лицо руками. Как вдруг рядом со мной, почти у самого носа пронесся странный нечеловеческий голос, словно шепот летнего ветра. Убрала руки с лица, я увидела невероятную картину. Сначала я не поверила в реальность происходящего – это было больше похоже на красивый сон – и снова закрыла глаза. Потом открыла...

... ничего не изменилось. Передо мной стоял маленький человек-нечеловек, ростом не больше тридцати сантиметров. Вместо кожи у него была красно-оранжевая чешуя. На голове возвышался длинный разноцветный гребешок. Глаза светились ярким голубым оттенком. Из-за рта свисал красный язычок, как у собаки. Из-за спины торчали прозрачные, почти невидимые крылышки. Он смотрел прямо на меня. В его глазах читалось и страх, и изумление, и неподдельный интерес. Как и в моих.

Потом послышались еще крики из лесной рощи. И он скрылся, так же не заметно, как и появился. Я хотела последовать за ним, догнать и поговорить, но решила, что это идея глупая и бессмысленная. Одно и то же, что искать иголку в стоге сена.

Я уже хотела уходить, как вдруг на том месте, где стояло это неземное существо, я обнаружила сверкающий на солнце амулет. Золотая цепочка было порвана, а амулет, лежащий в перегнутое, как мне показалось, напоминал клык волка.

Я прикоснулось к нему. Он был холоднее самого льда. Я взвизгнула от боли. Что же делать? Я взяла в руки чистый кружевной платок, положила в него талисман и побежала домой, чтобы показать амулет родителям.

– И что тебе сказали родители, – спросил я у нее.

Сказать, что я не проникся удивительной историей, это значит – ничего не сказать. Я верил и не верил. Меня терзали сомнения. Но в тоже время меня захватила атмосфера путешествий в неизведанные места. В новые миры.

– Вижу, что ты еще не считаешь свою старушку сумасшедшей. – Она улыбнулась.

– Нет. Наоборот. Мне очень интересно, что будет дальше. Как ты узнала название мира? Значит, ты все-таки нашла этих... как их...

– Иллаев! – добавила она. – Ты очень смысленный мальчик. Ты прав, я их нашла. Или они меня нашли.

– Иллаи, – вдохновенно, по-детски наивно повторил я за ней. – И как?

– Слушай дальше. Я пришла домой, положила находку на свой письменный деревянный стол и пошла умываться. Раньше, как ты понимаешь, не было таких современных удобств, как душ и большая ванная. Был только один-единственный умывальник на кухне и русская баня.

Умываясь, стирая улики преступления – чумазое лицо, грязные руки и кровавое колено – я услышала опять мелодичное шуршание ветра в соседней комнате. Сначала я подумала, что обозналась, просто вой ветра из открытой форточки и продолжила умывать веснушечное лицо, думая только о том существе. Но потом в комнате раздался оглушительный треск. Я испугалась и помчалась в свою комнату, подумав, что кот-негодник снова что-то разбил.

Я вошла в комнату и увидела, как три тени спрятались в разных углах комнаты. *Крысы? Не может быть!* Я тихонько пошла, отмеряя каждая шаг, оглядывая зорким глазом все самые потаенные уголки комнаты. Сердце бешено билось в груди. Мне было до жути страшно. А вдруг – это действительно крысы? А я этих мерзких тварей просто не выношу, один только дьявольский взгляд заставляет дышать неровно при виде оных созданий.

Дойдя до середины комнаты, я обнаружила, что от моей волшебной находки не осталось и следа, а на полу лежало разукрашенное яйцо, расколотое на две части. Я поняла, что в моей комнате были Иллаи. После услышала волшебное, ни на что не похожее, тихое порхание крылышек. Я обернулась и увидела трех порхающих мотыльков (Иллаев): их ножки светились ярким небесным сиянием. Изумленная и зачарованная, я смотрела на них, открыв рот, наслаждаясь красотой их воздушного танца: сверху красно-оранжевые, снизу – голубые. Только потом я поняла, что они летели к единственному выходу – к открытой форточке.

Когда двое Иллаев благополучно вылетели из большой комнаты, я закрыла форточку, загородив вход третьему...

... – Что же было дальше? – спросил я. – Ты расспросила его, где они живут? Ты его убила?

– Нет, конечно, – сказала она и улыбнулась. – Разве я у тебя такая злая бабушка, способная убить невинное существо, которое было похоже на ангела, спустившегося с небес?

– Прости. Наверное, пересмотрел военных фильмов, – ответил я. Мои уши и щеки от смущения загорели.

– Не извиняйся. Все было гораздо проще. Без допросов. Без...

Разговор неожиданно прервал громкий звонок в дверь. Я посмотрел на бабушку и спросил:

– Ты мне расскажешь, что было дальше? Я завтра приду или сегодня вечером...

– Конечно. Жаль, что у нас не было чуть больше времени поговорить. Я так давно хотела с кем-нибудь поделиться этим секретом. Но боялась. Думала, что надомной снова посмеются. Как это сделала моя любимая дочка, – позвонили второй раз. – Иди, открой двери. Не заставляй маму ждать. Мы обязательно еще поговорим.

– Хорошо, – ответил я и побежал к входной двери, топая пятками.

Провернул замок два раза, открыл дверь и увидел недовольную маму.

– Дима, почему так долго не открывал? Я два раза звонила, – сказала она, входя в квартиру. – Я уже подумала, что сюда не приходил.

– Прости, мамочка. Я не слышал. Мы с бабулей так разговорились о... обо всем.

– Понятно. Посидишь еще немножко с нами? – спросила мама уже не злым, а материнским добродушным голосом.

– Да, – не задумываясь, ответил я.

Глава 2

После необычного разговора с бабулей, я не мог думать ни о чем другом, как кроме удивительного мира, скрытого от глаз человечества, Иллюзиона с его обитателями – Иллаями. Я уже хотел побежать в чащу леса и искать вход в другое измерение, но поразмыслив, понял, что это неразумное и спонтанное решение. Во-первых, бабушка еще не рассказала историю до

конца и, возможно, поделиться невероятным секретом, как попасть в эту страну: в волшебный мир сказки. Во-вторых, мне нужно было выполнить просьбу родителей – это сейчас дети не слушаются родителей, а раньше мы своих стариков уважали и чтити – сходить в дом Блинковых и купить у них козьего молока. И рассказать об этой невероятной истории моему лучшему другу Владимиру Блинкову, с которым мы дружили с первого класса.

Каждое дуновение ветра заставляло меня оглядываться по сторонам. А вдруг за мной уже следят эти существа, Иллаи? Но я никого не видел, кроме мимо пролетавших желтых листьев, которые падали с высоких деревьев.

Я подошел к дому Блинковых, и увидел Вову, раздетого по пояс. Он стремительно опускал и поднимал острое лезвие топора, разрубая крупные поленья на две ровные части.

– Вова! Привет! – крикнул я.

– Ооо, какие люди! Привет, Димка! – сказал Вова и отложил топор в сторону, чтобы поздороваться со мной.

– Как дела? С самого утра заставляют работать? – ехидно спросил я.

– Никто меня не заставлял работать. Ты городской – тебе не дано понять деревенщину, – он засмеялся, – который получает удовольствие от утренней работы с топором на пару. Никаких гантелей не надо. Видел, какие мышцы?! – он напряг свою тощую руку, на которой показались первые признаки хорошего бицепса. – Ну как?

– Здорово! Как Шварценеггер в засушенном виде, – сказал я. И мы засмеялись.

Здорово быть с другом. Не правда ли?

– Пойдем в дом. Попьем чаю. А то я здорово выдохся. Три часа колот дрова, – сказал Вова.

– Пошли. От чаю не откажусь. Я как раз хотел тебе рассказать невероятную историю, в которую ты, наверное, не поверишь. Я и сам не знаю верить в нее или нет.

– Пока не услышишь – не узнаешь. Не так ли? – смеясь, сказал Вова, открывая входную дверь.

– Это точно! – согласился я с ним, и мы зашли в дом.

Я в полных красках рассказал все другу, что мне поведала бабушка, не упуская важных деталей. Он слушал меня внимательно. Иногда смеялся. Иногда смотрел обескураженными, заинтересованными глазами.

Когда я закончил, он сказал:

– Друг, да у твоей бабушки хорошая фантазия! Неужели ты купился на эту тривиальную фантастику из обычных детских сказочек вроде «Моста в Тирабетии» и «Гарри Потерра»?

– Я так и знал, что ты мне не поверишь.

– Ты же сам сомневаешься. Нам с тобой уже далеко не пять лет, чтобы мы верили в летающих красных фей. Или каких там? Ипаев...

– Иллаев! – исправил его я. – Но зачем моей бабушки меня обманывать? Она меня никогда не обманывала. Я уверен, она говорит правду.

– Послушай, дружище. Только без обид. Хорошо? Может у твоей бабушки крыша поехала. Она же два года лежит в кровати. Не может встать. И вот чтобы себя развлечь, она по вечерам придумывает разные необычные истории.

– А не пошел бы ты куда подальше, обвиняя мою бабушку во лжи и то, что у нее крыша поехала! Сейчас она у тебя у самого поедет! – злостно ответил я и показал Вовке побелевший кулак.

– Дим, успокойся. Я не хотел обидеть твою бабушку. Как и тебя. Мы же с тобой лучшие друзья. Или ты забыл? Просто я выдвинул свою теорию.

– Пифагор ты наш! Ладно, проехали. Извини, что накричал на тебя.

– Пифагор прощает вас, О ЛЮБЕЗНЫЙ! – После этих слов мы засмеялись.

Но наш смех неожиданно прервал шорох в шкафу. Мы испугались. А вдруг Иллаи следили за нами?

За окном завывал теплый осенний ветер. Хоть Вова и не верил в существование других миров, в частности, в Иллаевский народ из другого мира, но все равно вздрогнул и потихоньку пошел к собственному шкафу, взяв в руки длинную линейку, которой хотел при непредвиденной ситуации сражаться с Иллаями, обороняя свое жилище. Я пошел за ним следом, взяв в руки тапочек, который валялся на полу возле входной двери.

Вообще, веселая картина вырисовывалась, если посмотреть со стороны. Два высоких парня, в дрожащих руках которых была длинная школьная линейка и старый, изъеденный молью, отцовский тапочек, пахнувший «божественными» запахами носков, медленно продвигались к шкафу, думая, что там чудовище из другого мира. Какое же было наше удивления, когда мы с криками открыли дверцу шкафа и обнаружили внутри далеко не Иллаев, а испуганную девятилетнюю сестренку Вовы – Танечку.

– Блин, Танька – это ты! Ты опять подслушивала взрослые мужские разговоры? – грозно спросил старший брат.

– Мне они не показались взрослыми, – возразила она. – Я хотела вас испугать, когда вы пили чай. Но вдруг Дима стал рассказывать красивую историю.

– Красивую? С чего ты вдруг взяла, что она красивая, маленькая козявка? – отпарировал Вовка.

– Сам ты козявка! Красивая, потому что там существа красивые... Иллаи, – мечтательно сказала Таня. – Я бы хотела там побывать. Я верю твоей бабушке, Дима. Зря вы ей не верите!

– Мы не верим, потому что мы взрослые. А не такие маленькие козявки, как ты! – сказал Вова, после чего по Таниным щечкам побежали горькие слезки.

– Хватит, Вова. Что она тебе сделала плохого? Подумаешь, подслушала разговор. Я даже этому рад. – Я посмотрел в Танины глаза, сверкающие от слез и сказал. – Кто верит, тот обязательно попадет в эту страну. Завтра бабушка продолжит свой рассказ. И, возможно, скажет, как попасть в Иллюзион. И тогда я обязательно возьму тебя с собой. Обещаю. – Теперь на ее некогда заплаканных глазах появились нотки счастья и детская непосредственная радость. Она заулыбалась и обняла меня.

– Спасибо, – сказала Таня.

– Ну, устроили здесь мыльную мелодраму. Еще поцелуйтесь, – фыркнул Вова и лег на мягкую постель.

– Ладно тебе, дуться! Лучше дай мне молока. Мне нужно домой. Я скоро пойду к бабушке, – сказал я. – Пока Таня! Не давай себя в обиду! – обратился я к Вовиной сестренке.

– Хорошо! Пока! – попрощалась со мной Таня.

– Пошли, фантазер. И не учи мою сестру плохому.

Владимир налил мне козьего молока в трехлитровую стеклянную банку, я ему отдал деньги. Мы обменялись еще парочкой шуток про летающих фей, разговаривающих шепотом ветра, и разошлись по домам.

Не поймите меня превратно, но именно после встречи с Владимиром, я полностью перестал верить бабушкиным словам. Все-таки в двенадцать лет рассуждаешь не так, как в восемь. Фантазию и реальность ты начинаешь различать. Некогда любимые игрушки «Человек-Паук» и «Монстр Джек», которыми я играл еще два года назад, теперь пылятся в темном ящике, плача по тем былым временам, когда их любимый хозяин играл с ними чуть ли каждый день. Если раньше Новый год был самым любимым праздником – Старый Дедушка Мороз приносил тебе за примерное поведение желаемые подарки (откуда он узнавал, какие именно?) – то теперь это обычный ничем не примечательный праздник.

Я помню, шел и думал, как хорошо, если мне было снова восемь лет, как Танечке, я бы обязательно поверил бабушке. Ведь в восемь лет ты веришь во все чудеса – в том числе и в Деда Мороза – и никто тебя не считает сумасшедшим. Попробуйте в двенадцать сказать незнакомому человеку, что вы были в новом мире, в Иллюзионе, он вас сразу же отправит в психиатрическое отделение на долгое-долгое время. А в восемь вам улыбнуться и скажут: «Молодец, деточка! Возьмешь меня с собой?».

Неужели я взрослею? На этой мысли я подошел к дому.

– Пап? Кто-нибудь есть дома? – спросил я.

Ответа не последовало.

Я слегка был удивлен, что отца не было дома, ибо он по воскресенья постоянно торчал перед телевизором – это был его своеобразный отдых от рутинной работы в школе.

Зайдя в квартиру, я почувствовал ароматный запах сигарет, отчего сильно удивился. Отец бросил курить два или три года назад: врач запретил ему курить.

Откуда идет этот манящий «смертельный» запах?

Я зашел в большую комнату и увидел через большое окно, как отец нервно смолит на балконе. Увидев меня, он выкинул сигарету на улицу (мы жили на третьем этаже) и быстро вошел в комнату.

– Дима! Ты где пропадал? Почему так долго?! – чуть ли не кричал отец, резко закрыв балконную дверь, что даже штукатурка в некоторых местах повалилась на пол. – Я уже весь тут как на дрожжах! Ушел от бабушки в девять. А сейчас уже сколько? Час дня.

– Пап. Но меня мама отправила за козьим молоком к Вовке. Поэтому я и пришел так поздно. А что случилось-то? Сегодня же воскресенье! Вы же знаете, что по воскресенья я гуляю целый день.

– Че... Видимо мама сама забыла, куда тебя отправила, – сказал отец: кожа его лица стало бледной. – Извини, Дим. Я не хотел на тебя кричать. Просто очень сильно испугался. Переживал. Прости. – Папа нежно обнял меня.

– Ничего страшного. А что случилось с мамой? И почему ты вдруг закурил? – настороженно спросил я, глядя на папу, от которого пахла табаком.

– Твоей бабушки стало плохо. Подскочило давление. Ее увезли в реанимацию. Стояние критическое, – сказал он.

Хоть отец Андрей никогда не показывал своих чувств к нашей бабушке, но я-то знал, что он любил ее всем своим добрым сердцем. Было видно не вооружен глазом, как он за нее переживал, когда бабуля слегла в постель.

У моего папы не было матери. Когда он родился, мать бросила его, сбжав в неизвестном направлении: ее так и не нашли. Поэтому папу воспитывал строгий и суровый дедушка Василий. Он мне сам рассказывал, как ему не хватало в детстве женской ласки, материнской заботы: он чувствовал себя неполноценным ребенком. Но все изменилось в двадцать один год, когда он встретил мою будущую маму и познакомился с ее жизнерадостной мамой, с моей бабушкой. Для него она стала матерью.

– О Боже! – вскрикнул я. – Что нам делать? Мы должны быть у нее!

– Нет, Дима. Сейчас тебя туда никто не пустит. Даже можно не рассчитывать. – Он почесал затылок и сел на диван. – Сейчас нам нужно будет поддержать маму. Она очень напугана. А вечером мы обязательно сходим в больницу. Втроем. Возможно, бабушке станет лучше. И нас пустят в палату.

– А если нет?! Что если, она...

– Все будет хорошо. Не думай о плохом, – перебил меня отец, доставая из кармана спортивных штанов пачку «Винстона». – Я пойду, успокою нервы. Иди, поешь. Мама приготовила изумительно вкусный яблочный пирог.

- Хорошо. Папа?
- Что сын?
- Я люблю тебя. Не переживай.
- Я тоже тебя люблю, сынок, – ответил он.

Теперь в его глаза засверкали скупые слезы, поэтому он быстро скрылся на балкон и закурил.

Каким же надо было быть дураком, чтобы сделать крепкий кофе человеку с высоким давлением. В тот момент я сильно напугался, в голове постоянно что-то стучало, в горле встал комок.

Я себя ненавижу!

Глава 3

Как сейчас помню, два последующих дня были просто кошмарными. Все наше не многочисленное семейство было на взводе. Мать каждый день плакала, хоть и не показывала этого: но заплаканные и немного опухшие глаза выдавали ее. Отец не находил себе места, постоянно ходил курить и чуть ли не каждые четыре часа звонил в больницу, чтобы узнать состояние здоровья бабушки. Я же безумно переживал и обвинял себя, не мог спать по ночам, думая о своем нелепом поступке. Мне снились кошмары, что бабушка умирает и последние ее слова: «Ты убил меня, внучок!».

Дни как будто потеряли обычный смысл, все стало тусклым и неинтересным: со школьных уроков хотелось убежать; дома, лежа на диване, хотелось на улицу; с холодной и дождливой улицы хотелось бежать в неизвестном направлении, чтобы только забыть про этот кошмар. Даже разговор с Вовкой, который всегда мне поднимал настроение, не помогал.

Наконец-то нам разрешили поправедовать бабулю, только поодиночке и на пару минут. Ее перевезли в другую палату (я тогда не понимал, зачем врачам это понадобилось), где лежала еще одна старая женщина, потерявшая окончательно рассудок, когда ее муж умер от инфаркта, две недели назад.

Я пошел первым, я не мог больше ждать. Я был взволнован и одновременно счастлив.

Я подошел к палате триста двенадцать, постучался и открыл дверь. Увидев бабушку, лежащую у окна на койке, я все-таки не смог сдержать поток искренних слез.

– Бабуля. Я так переживал. – Я помню, что взял ее старую и дряхлую руку, такую родную и нежную. – Я думал, я тебе убил...

– Димочка, мой родной. Я так рада тебя видеть, – говорила она тяжело, прерывисто: постоянный кашель не давал ей покоя. – Я тоже думала, что больше тебя не увижу. Не увижу твою красивую голливудскую улыбку, которая всегда мне поднимала настроение, когда жизнь была просто невыносимой. Не увижу твоих светловолосых локонов, свисающих до самых бровей. Не увижу твоих зеленых глаз, в которых царит безграничная любовь и доброта. Не почувствую биение твоего благородного сердца, как и не почувствую твои нежные руки, ухаживающие за мной. – Она остановилась, ее глаза увлажнились и одна слеза неспешно, скатилась по ее морщинистой коже. Седая прядь прилипла к потному лбу. – Я боялась не успеть рассказать до конца свою историю.

– Я тоже боялась, что не услышу ее до конца. Но ты же мне еще расскажешь? Теперь все будет в порядке?!

– Время мое истекает, мой внук. И с этим ничего не поделаешь, – сказала она.

– Но ты ведь не умрешь? Ты не должна умирать, – сказал я.

Помню, что я плакал.

– Все умирают рано или поздно. Смерть – это последний, завершающий этап жизни. Без него невозможно наше с тобой существование, как без первого этапа – рождения. Ты должен это понимать, Дима.

– Но это несправедливо. Зачем Богу забирать людей, которых любят и ценят при жизни? Зачем он хотел забрать тебя, бабуля? Что ты ему сделала плохого? Я не понимаю?

– Бог дал мне жизнь, за что я ему бесконечно благодарна, и он в праве ее забрать. Он подарил мне твою маму, моему единственную и любимую дочь. В свою очередь, Бог, подарил твоей матери – тебя.

Однажды, Бог подарит тебе сына или дочь, а потом и внуков. И ты будешь благодарить его за это чудо каждый божий день. Сейчас тебе тяжело все это осмыслить и понять. Но ты обязательно поймешь, когда подрастешь. Сейчас ты должен понять, что каждый человек смертен. В том числе и я. Это естественный и необратимый процесс. Мы с каждым днем стареем, наш организм стареет. Мы умираем. Но душа наша продолжает жить на небесах. Многие в это не верят. Но я верю. А когда веришь, значит, так и будет. Когда я умру, я буду летать в собственном выдуманном раю, где не будет бед и несчастья. Только счастье и доброта. Наивно. Но я в это верю!

– Я тоже бабушка верю, – сказал я.

Она замолчала.

– Сейчас придут твоя мама или папа. И тебе придется уйти. Такие тут правила. И если вдруг нам с тобой больше не удастся поговорить. Ты должен сходить в мою квартиру и найти там старую деревянную шкатулку, которая лежит в комод.

– А что в шкатулке? – спросил я.

– Увидишь, – ответила она.

В палату зашла заплаканная мама и принялась рыдать...

Глава 4

Прошло две недели прежде, чем я собрался сходить в пустую и безмолвную квартиру бабушки, чтобы взять волшебную шкатулку и, возможно, открыть для себя ее секрет. Секрет всей ее жизни, с которым она поделилась только с двумя родными людьми. С собственной дочерью, которая, не дослушав историю до конца, рассмеялась и мгновенно забыла про нее. И со мной, с внуком, который ей поверил.

После нашего разговора в палате, она скорострительно умерла от сердечного приступа. Господь забрал ее светлую и добрую душу к себе на небеса, где она счастлива и порхает, как белый голубь в пушистых белоснежных облаках, даруя миру любовь и счастье, как ангел доброты и процветания. Мне сейчас почти сто лет, а я продолжаю в это верить всем своим старым сердцем.

Я верил в это! И мне становилось легче, когда было совсем невыносимо. Впервые дни – в дни похорон – я вообще не понимал, что происходит. Я не мог осознать простую истину, я просто не верил, что бабушки больше нет с нами. Я не верил, что больше ее не увижу и не обниму. Теперь ее нет... она осталась навсегда только в моей памяти и в моей сердце.

Говорят, время лечит, но это не совсем правда. С годами мне все больше не хватало любимой бабули. Я скучал. Помню, когда женился на своей прекрасной жене, было грустно, что моя бабушка не увидит мою свадьбу, мою жену, моего будущего ребенка – дочь Викторию.

Я и сейчас по ней скучаю. Но скоро мы с ней встретимся. И в это я тоже верю! Для того, что поговорить о красивом мире Иллюзион...

Деревянная шкатулка, на крышке которой была изображена гордая черная лошадь, легко помещалась в мою руку.

Может, мне просто казалось, но я чувствовал, как шкатулка вибрирует. Волшебная шкатулка, которая переносит за одно мгновение из несправедливого и жестокого реального мира в потусторонний мир сказки, где летающие эльфы были стражниками, а львы – властелинами миров. Я боялся ее открыть. Но после долгих раздумий, я все же открыл, медленно поднимая крышку, боясь провалиться в огромное темное отверстие, как знаменитая Алиса в кроличью нору. К своему глубокому разочарованию ничего не произошло. Вход в удивительный мир так и не открылся, а волшебная вибрация растворилась в пустоте и безмолвии комнаты бабули.

В шкатулке я обнаружил клочок желтой бумаги, который был исписан бабушкиным почерком и миниатюрный красный амулет, в который была просунута тонкая серебряная цепочка, для того чтобы вешать его на шею. Я взял листок в руки, раскрыл и начал читать:

«Дорогой, внук! Если ты держишь это послание из прошлого, значит, ты поверил в мой рассказ – и в существование огромного мира, в Иллюзион. На этом маленьком клочке бумаги написана ценная информация, как найти волшебный вход в мир Иллаев. Карта. Так что мой юный друг береги ее, как зеницу ока. И ни в коем случае не потеряй! Без нее вам не найти вход в другой мир.

Ты, наверно, сейчас спросишь, почему я написала Вам, вместо Тебе? Все просто. В это опасное путешествие одному отправляться никак нельзя. Тебе будет нужна дружеская помощь, чтобы ты смог преодолеть весь нелегкий путь по лесным, порой не проходимым тропам и остаться целым и не вередимым. Тебе предстоит ответственный выбор взять своего лучшего друга, который точно протянет руку помощи, когда она будет необходима. Многие на первый взгляд кажутся настоящими друзьями. Но это обман! Когда случается что-то плохое или хорошее, они бросают тебя без угрызения совести. Запомни это! И пообещай своей бабушки, что ты не пойдешь один на поиски Иллюзиона. Возьмешь друга, который доказал свою верность и уважение к тебе.

Я надеюсь, мы договорились. И еще одна проблема. Прежде чем ты перевернешь на следующую страницу, где будет изображена карта, послушай меня внимательно. Твои родители – я их прекрасно знаю, особенно твою маму – не отпустят тебя одного в лес.

Поэтому ты должен немного... НЕТ! Не соврать? Ни в коем случае! Врать родителем – это непростительный грех. Однажды ты начинаешь им врать, а потом уже не сможешь остановиться. Поверь своей старой и мудрой бабуле! Лучше сказать один раз горькую правду, чем двадцать раз придумывать сладкую ложь. Когда ты говоришь людям правду, тебе в будущем не придется выкручиваться от обвинений во лжи.

Ты должен взять в лес своих родителей. Ты пригласишь их обоих. Я знаю твою маму очень хорошо, поэтому она сразу же откажется от этой бредовой идеи, куда-то идти в лесную глушь, кормить комаров, оводом и пауков (она никогда не любила походы). Однажды она пошла с нами за грибами, и на нее забрался огромный паук – наверное, с человеческий кулак, – который вальяжно ползал по ее коричневой курточке, медленно поднимаясь к ее ангельскому личику. Когда она его обнаружила, весь лес содрогнулся от ее криков. Она бежала и бежала, пока отец – твой дедушка – не догнал ее и не успокоил. Именно после этого, она принципиально перестала ходить в лес. И жутко боится даже самых крохотных паучков. Это ты, наверно, и сам знаешь.

А вот твой отец с удовольствием согласится пойти в поход. Во-первых, для него это будет своеобразным отдыхом от скучной повседневности, от ужасной и ответственной работы. Во-вторых. Что может быть лучше, чем проведенный уикенд вместе с сыном? Вы же почти не видите. В будни он приходит с работы поздно и ложится спать, забывая перед сном поцеловать уже взрослого сына. В выходные, когда он дома, тебя и свет не сыщет, ты гуляешь целый день с утра до позднего вечера со своими беззаботными друзьями. В-третьих, он безумно любит путешествовать, особенно в глубине непроходимых лесов (Когда ты был маленький, я с твоим папой ходила в поход, и я точно знаю, он получал ничем несравненное удовольствие от таких походов). И, в-четвертых, твой отец очень похож на тебя (хотя тебе это кажется нере-

альным!). Он настоящий фантазер и мечтатель, как его сын. Просто он это скрывает за толстой и суровой маской взрослого человека. Понимаешь?

Когда вы ступите на порог лесных просторов, ты должен будешь ему рассказать всю нашу историю от начала до конца и показать карту (и это короткое сообщение). Будь уверен, про грибы он забудет в ту же секунду. Вы будете искать неведомый для глаз человека потаенный ход в другое измерение. Поверь своей бабуле...

Вот и все, что я хотела тебе сказать в этом письме. Пообещай выполнить все мои условия и только тогда отправляйся в путешествие, чтобы найти волшебный мир, Иллюзион (жаль, что я не могу пойти с вами). Вас будут ждать...

ЧУТЬ не забыла! Видишь красный амулет, который лежит в шкатулке? Ты должен его взять с собой. Без него вам просто не найти Иллюзион. Это ваш своеобразный компас. Как он работает, вы быстро поймете.

Вот теперь точно все!

Желаю вам удачи. Это будет незабываемое путешествие в вашей жизни. Целую. Пока. Ваша бабуля».

Дочитав до конца бабушкино послание, я заплакал.

Успокоившись, я перевернул страницу и увидел на ней нарисованную карту с точными координатами место нахождения определенных таинственных объектов. Наверху карты было написано, что нужно искать Иллюзион в живописных Емеленских лесах.

Отмеченные бабушкой места крестиками, мне были не знакомы, они уходили глубоко в Емеленские леса. Первая остановка была у большого камня Габбро – это огромный камень или магматическая горная порода, где мы должны будем найти важную информацию. Вторая, у какого-то Старика-камня. И все...

Надеюсь, папа знает куда идти! – подумал я.

Я закрыл входные двери и быстро спустился: бабуля жила на второй этаже. Выбежав из подъезда, я обрадовался, что Вова не убежал домой. Он боялся заходить со мной в бабушкину комнату. Причину своего поступка он мне так не объяснил, а я не стал спрашивать.

– Ну, что Дима!? Говори, не темни! Нашел что-то стоящее в шкатулке? Или ты уже из иного мира вернулся? – спросил взволнованным голосом Владимир, глядя на меня голубыми глазами, в которых отражалось мое очертание и чистое голубое небо.

– Да. Мы отправляемся в поход, в дебри Емеленских лесов, на поиски Иллюзиона! У меня есть карта! – вдохновенно и гордо сказал я, словно капитан, нашедший на золотистом песчаном берегу острова, обрамленного высокими пальмами – карту, показывающую направление к бесметным богатствам. – Ты со мной?

– Ты еще спрашиваешь? Конечно, я с тобой! Хоть на край света, – ответил Вовка и обнял меня за плечо.

Глава 5

– Как ты думаешь, Димка, мы найдем эту волшебную страну? – спросил Вова, положив во внутренний карман походной сумке два коробка спичек.

– Мне кажется, он существует. И мы должны обязательно его найти! – не уверенно сказал я.

В тот момент моя голова было занята совершенно другими мыслями. Как же сообщить папе, когда мы будем в лесу, о волшебной стране? Что, если он посмеется или хуже всего рассердится на меня за буйно разыгравшуюся детскую фантазию и свернет нашу экспедицию? Может лучше без него удрать? Но ведь бабушка велела взять его с собой. Тем более я не знаю

местности, как и Вовка. Да и с папой будет спокойно, но в тоже время не так весело, как с лучшим другом.

– Дима, ты что уснул? Передай мне баллончик против комаров и оводов, – сердито сказал Вова.

– Что?

– Передай баллончик, куриная башка! О чем задумался? Выкладывай!

– Прости, дружище. Думал об отце. – Я взял в руки баллончик и передал его в руки другу; на зеленом баллончике был нарисован кровожадный, действительно, пугающий комар. – Может, мы отправимся одни в поход? Без отца. Возьмем еще кого-нибудь собой!

– Возьмите меня, – раздался звонкий, мелодичный голос Тани. – Я хочу с вами отправиться на поиски волшебной страны, в которой я буду принцессой! А вы моими принцами! Дима, ты мне обещал!

– Ты опять подслушивала взрослые разговоры, маленькая козявка! Как же ты мне надоела! Придется тебя сдать родителям за эту провинность, – пригрозил указательным пальцем Вова.

– Не рассказывай, Вова. Я больше не буду. Честно-причестно. Я обещаю.

– Глупости это все. Ты с нами все равно не пойдешь. Ты слишком маленькая, – сказал Вова и посмотрел на меня. – Без твоего отца мы не справимся. Точно! Мы плохо разбираемся в местности. Ты говорил, он знает Емеленские леса лучше всех путеводителей. Так?

– Говорил. Это правда, – отчеканил я, глядя на него внимательными и серьезными глазами. Глазами взрослого человека.

– Вот. Без твоего отца мы просто зря потеряем время. Походим вокруг да около и повернем обратно, так и не узнав об Иллюзионе. Так что даже не думай об этом. – Он по-дружески похлопал меня по плечу. – Или ты переживаешь, что он не согласится искать Иллюзион?

– Да, – ответил я. – Ты представляешь, какой для него будет шок, когда он узнает, для чего я его затащил в поход. – Я достал из кармана шоколадную конфетку и отдал ее обиженной Танечке. – Не расстраивайся, Танечка. Лучше держи вкусную конфетку. Если папа не будет против, взять еще одного туриста, а твоя мама отпустит тебя в лес, то мы обязательно тебя возьмем с собой? Тем более я обещал.

– Ах ты, предатель, хренов любовничек! – крикнул Вова, ударив меня кулаком по плечу. – Ты что делаешь!? Совсем обнаглел! Я ему тут драгоценные советы даю, а он, не посоветовавшись со мной, между прочим, со своим лучшим другом, берет в поход мою маленькую и очень надоедливую сестру.

– Я не надоедливая! – обиженно сказала Таня.

Она посмотрела на меня и сказала:

– Спасибо, Дима! Ты лучший друг!

– Да не за что, Танечка. – Я посмотрел на Вову, который всем видом показывал, что он сильно обижен, прилюдно оскорблен и сказал. – Спасибо тебе за советы, Вован. Они всегда ценны для меня. В нашей ситуации лучшее всего – и правильней – будет взять с собой моего папу. Без него мы не доберемся, ты прав. – Я перевел дыхания и продолжил. – А что тут такого, если мы еще возьмем твою сестру с собой? Не понимаю? Ведь всем хочется увидеть Иллюзион. Не только тебе!

– Вот именно, – поддакивала Таня, улыбаясь своей широкой улыбкой, в уголках которой появились коричневые пятнышки от конфетки.

– Тебя не спросили! – мгновенно парировал Владимир. – Мама ее все равно не отпустит.

– А вот и отпустит. Я уже спросила у нее. Она меня отпустит в лес, только при одном условии, если с нами пойдет дядя Андрей, – сказала она и показала Вове коричнево-красный язык.

– Ты все еще ее хочешь взять в поход, это маленькое зло? – сказал расстроенным голосом Вова.

– Вместе – веселее!

– Ага! Как же... Веселья будет выше крыши! – пробубнил он.

– Ладно тебе – не зуди. Хоть в походе с сестренкой помиришься.

– Да, шас! Надо больно с ней мириться. Брат и сестра на веки враги, – громко, чуть ли не припеваючи, сказал Вова. Он, наконец, улыбнулся.

– ДА! – подхватила Танечка.

– Мне вас никогда не понять. Надо радоваться, что вас хоть двое. Я вот совсем один.

Иногда так грустно, что не с кем поговорить.

– Да, лучше бы я жил один...

– Я тоже, – подхватила Таня.

– Ладно, мне пора домой, – сказал я, не став больше спорить с братом и сестрой. – Мы еще не собрали с отцом сумки. Я позвоню вечером.

Глава 6

Через полчаса я был дома.

Мама с заплаканными глазами варила суп на кухне; доносились слабые звуки режущего ножа. Отец в соседней комнате с мрачным лицом собирал сумки, что-то бормоча себе под нос. Все были во власти шока и глубокого потрясения от потери дорого и близкого человека.

Помню хорошо, что мама после смерти бабушки стала замкнутой и какой-то отстраненной от мира сего до конца своих дней. Впервые дни после похорон, мне казалось, она сходила с ума, ее рациональный рассудок вступил на опасную, невидимую грань тихого безумия. Она не плакала на похоронах, затаив жгучую боль утраты внутри себя, не выплескивая ее наружу, как мы с отцом.

Частичка бабушкиной души навсегда осталась в мамином великодушном сердце (она всегда за кого-то переживала, даже за незнакомого человека, это была черта ее характера).

– Мам? Пап? Я дома? – громко сказал я, положив ключи на комод.

– Привет, дорогой! – крикнула мама с кухни. Она встала и пошла ко мне.

– Привет, Дима. Тебя не дождешься. Давай быстрее, шевели помидорами, – сказал отец, войдя в коридор. Он крепко пожал мне руку. – Снова каши мало ел! Где твоя сила, сынок? Руки, как у девчонки.

– Неправда, – ответил я, снимая белые кроссовки «Адидас», не развязывая шнурки.

– Андрей, перестань! Что ты, как ребенок! Снова сейчас поругаетесь из-за пустяка. А еще в поход собрались идти. Вдвоем. Ужас! – сказала мама и поцеловала меня в щечку (ах, этот поцелуй ни за что не забудешь, как его не хватает девяносто девятилетнему старику).

– Ну, мам!?! – Я пытался увернуться от материнской ласки и заботы, как и любой двенадцатилетний – ВЗРОСЛЫЙ – парень, который не нуждается в этом. – Мы же идем не вдвоем, а в ... Пап, а можно с нами пойдет сестра Владимира? Ее мама отпускает, если ты разрешишь. Ей очень хочется с нами посмотреть на новую... – чуть не проболтался я.

– На что? – спросил папа Андрей.

– Она ни разу не ходила в лес. Для нее этот поход будет походом в новый, ранее неизведанный, живописный мир, – быстро выкрутился я. – Так, пап, можно?

– Еще больше ответственности. Но если вам нужно в мужскую компанию юную леди, то я не против, – ответил он. – Как это она не была в лесу?

– Спасибо, пап. Я сейчас позвоню и обрадую Таню, – сказал я. – Не знаю. Так получилось. Вова сестру куда с собой не берет. Они враждуют.

Когда я пошел в свою комнату, чтобы звонить Вове, я услышал, как мама отчитывала папу за то, что он берет в лес трех несовершеннолетних детей. Для нее это было немислимо (слишком ответственно!) брать собственного ребенка и еще двух чужих детей в дальний поход, в потаенные глубины лесных чащ, в который можно заблудиться, пораниться, удариться... Конечно, она приукрашивала. Но мама, есть мама. Отец отвечал ей, что не за чем ей так переживать. Он говорил спокойным голосом, который всегда ее успокаивал.

– Дим. Так почему ты вдруг захотел сходить в Емеленский лес? Раньше палкой не вытаскишь в лес. Давай колись? – улыбаясь, спросил папа, положив в сумку компас.

– Захотелось отдохнуть на природе, – ответил я.

– Неужели мой сынок растет!? – восторженно сказал отец. – Молодец. На природе отдыхать лучшее и полезней, чем шататься по улицам и пиво пить!

– Я не пью пиво! – ответил я.

Я и сейчас его не пью, может из-за этого и прожил так долго!

– Еще бы ты пиво пил! Если увижу тебя с бутылкой – руку оторву! Понял? – грозным голосом сказал отец, сморщив брови.

– Да, пап! Пап?

– Что, сын?

– А ты веришь в другие миры?

– И да, и нет, – неопределенно ответил отец. – А что? Нашел фантастические миры Толкиена?

– Нет. Просто интересно. Я вот – верю.

– Я тоже верил, когда мне было двенадцать. И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что, когда ты маленький ребенок ты не боишься верить в волшебство. Это естественно и нормально. Что за ребенок без фантазий? Я раньше верил, что мир – это лишь иллюзия, прах утраченного мифа. Я верил в космические неземные расы, в волшебных эльфов в моем дворе, в красивый мир в глубоких лесах, куда не ступала нога человека. Во много чего верил, если честно. Жаль, что детство молниеносно пролетело, а детские фантазии быстро превратились в прах утраченных надежд, которые разлетелась и потерялись яркими огоньками в бездонном небе.

– Я не верю, что ты сейчас ни во что не веришь! – сказал я.

– И правильно, что не веришь! Сейчас я верю в свои силы. В свои возможности. Верю в нашу семью. Верю в твое благополучное будущее.

– А знаешь, во что я верю? – спросил я.

– Во что?

– Я верю, что бабушка сейчас на небесах и там счастлива с дедушкой. Ты в это веришь?

– Я хочу в это верить. А вообще неважно, во что верит человек. Главное, верить. Ты молодец, сын, – ответил отец, обнимая меня.

В его глазах стояли слезы. Но в силу своей безграничной мужской гордости и солидарности, он их мне не показал, мгновенно убежав из комнаты на балкон, где закурил очередную сигарету. Именно в этот момент я поверил, что наш поход состоится. И вместо сбора грибов мы будем искать затерянный мир в Емеленских лесах.

Бабушка не ошиблась. Более того, она была права. Мой папа оказался в душе мечтателем и фантазером. Сегодня его взрослая маска, скованная на эмоциях и чувствах, рассыпалась на миллион частичек. Мы стали сегодня еще ближе. Некогда отдалявшиеся половинки стали притягиваться друг к другу.

Глава 7

Как сейчас помню, встал я рано утром, задолго до колокольного звона будильника.

Я незаметно пробрался на кухню, старясь сильно не шуметь, чтобы сварить себе и отцу крепкий, бодрящий кофе. Я не хотел разбудить родителей, которые спали в соседней комнате: из нее доносилось мамино тихое сопение и папин храп.

Вдруг, я обнаружил на зеленом ковре, валяющийся бабушкин амулет. Он светился, словно дневное солнышко. Мне показалось, что амулет поднимался вверх и опускался вниз, словно он был таким же легким, как белое и мягкое перышко.

Я подошел ближе, удивленно глядя на огоньки внутри амулета. Теперь он поменял цвет и стал светиться всеми цветами радуги, освещая темную комнату ярким светом. Амулет поднимался все выше и выше, достигнув почти уровня кухонного стола, меняя цвет с красного на ярко-голубое сияние. Я коснулся пальчиком до святащего амулета и почувствовал теплоту горячего, почти раскаленного металла – внутреннюю энергию. Жизнь! Амулет от моего прикосновения отпрянул в воздухе назад, словно светлячок в саду. Внутренний свет заметно потускнел, он упал на ковер. Сияние прекратилось.

Около моих ног послышалось шуршание, словно маленькая птичка непрерывно порхала крыльшками у моего уха. Я резко опустил глаза на пол, нагнулся и посмотрел под кухонный стол. Никого.

Я замер. Решив, что это наилучшая тактика стать незаметным для Иллаев. Я хотел перехитрить их, но ничего не вышло. Они были слишком умны (а может, их вообще не было?) и предприимчивы. Видимо, они понимали мысли людей и чувствовали их не самые хорошие намерения. Они умели быть скрытными.

– Дим, ты чего встал в такую рань? – спросил отец.

Я думал, мое сердце выпрыгнет наружу и разорвет грудную клетку.

Я вскрикнул от неожиданности.

– Пап! Ну и напугал же ты меня!

– Ты как будто другую вселенную увидел. Что случилось? Почему у тебя такой ошарашенный вид? – Отец увидел мое испуганное бледное лицо.

– Я варил кофе и наткнулся на бабушкин амулет, который она мне подарила. Я хорошо помню, что вчера перед сном одевал его на шею. А сегодня амулет валяется на полу, словно там и должен лежать. Потом ты зашел. И вот – я немного испугался.

– Я заметил, – улыбнулся папа. Он включил газовую плитку. – Может, он слетел с шеи, когда ты варил кофе. Может застежка слабая?

– Да вряд ли он сам спал. Крепления прочные – стальные! – ответил я.

– Не стальные, а серебряные. Сам он точно не улетел бы. – Он взял в руки остывший амулет и стал внимательно его рассматривать, словно древнегреческую находку, которой миллион лет.

« – Да как же, не улетел бы! Зайди бы ты на минутки пораньше и собственными глазами убедился в обратном умозаключении» – так хотелось мне ответить отцу, но решил, что будет лучше промолчать.

– Никогда не видел у бабушки этой красивой вещицы. Это определенно редкий, драгоценный камень (как мы позже выяснили, это был действительно драгоценный камень, который величают Яшма). Посмотри, он кристально чист. Прозрачен. Мне кажется, я вижу в нем сияние. Красота! Дима, тебе он не напоминает красное сердце?

– Да. Я тоже подумал о сердце, когда впервые его увидел. Он и в правда светится, пап! Когда я зашел в темную комнату, он ярко светился.

– Волшебный камень, – пояснил папа и отдавал обратно мне амулет. – Носи его, раз бабушка подарила. Он будет тебя оберегать. Амулет на счастье. Когда она успела тебе его подарить?

– Незадолго до смерти, – ответил я. – Она отдала его. И... еще одно послание тебе и мне, который ты должен будешь прочесть в лесу.

– Почему в лесу? – удивленно спросил он. – Почему не сейчас?

– Потому что бабуля так велела. Я повинуюсь ее слову.

– Мне еще больше захотелось в поход. Ведь он будет необычным? Я прав? И не ври мне. Отца не обманешь. Я тебя вижу, как прозрачное стеклышко.

– Да. Я надеюсь, оно будет необычным, – ответил я.

– Ну ладно хватит болтать! Пора и кофе выпить, – весело сказал папа и обменял меня за плечо.

Почему я не ценил эти прикосновения, когда он был жив, отворачиваясь от них, как от пули? Как же мне не хватает отцовской скупой заботы и его дружеских рукопожатий...

Мы молча выпили кофе и стали собираться в долгожданное путешествие всей нашей жизни, которое мы уже никогда не забудем до конца своих дней.

Владимир и Таня уже ждали нас у назначенного места, около местной стоматологической клиники, которая находилась через дорогу от нашего дома и в которую я не раз ходил лечить зубы!

– Ну, вот! Твои друзья нас уже ждут, а мы с тобой, как древние черепахи, собирались в поход, – сказал отец и закурил сигарету, от которой шел волшебный, дурмящий запах детства.

– Они просто рано пришли. А мы во время, – ответил я и посмотрел в сторону угрюмого Вовы и веселой, лучезарно улыбающейся Танюшки.

– Привет! Извините нас, мы немного опоздали! Папа долго собирался, – смеясь, сказал я. – Вова, ты почему такой грустный?

– Здравствуйте, дядя Андрей! – поздоровалась Таня.

– Привет, Димка! Все нормально. Просто не выспался, – ответил Вовка, по-мужски пожал сначала мою руку, а потом у папы Андрея.

– Здравствуйте, дети! Вы готовы отправиться в самый центр лесных непроходимых просторов, где живут древние бабайки? – весело сказал папа Андрей и бросил свой взгляд на изумленные лица маленьких попутчиков. – Так готовы или нет? Не вижу энтузиазма!

– Да! – громко сказал я, подняв руку вверх. – Мы готовы!

– И мы тоже, – ответил за двоих Владимир и с облегчением посмотрел на меня. Они подумали, что я уже рассказал отцу об Иллюзион и про их обитателей.

– Тогда предлагаю следующий план. Сейчас мы свернем на улицу Возмутителей. Когда дойдем до конца улицы, аккуратно и осторожно спустимся по холмистому оврагу, который нас выведет к пруду. На берегу должна быть пришвартована белая лодка, которую я заказал вчера вечером у одного знакомого старичка. Переплыв пруд, мы обогнем болотистые места через золотистое поле и выйдем к лесной тропинке, которая уведет нас в Емеленские леса. Как вам такой план, ребята?

– Вау! Класс, пап! Ты уже все продумал! Чур, я гребу! – сказал я.

– Еще и на лодке покатаемся...

– Я тебе помогу грести, – обратился ко мне Вова. – Отличная идея, дядя Андрей.

– Рад, что вам понравилось. Тогда в путь. Кстати, сын, ты не забыл, что обещал мне рассказать о каком-то секрете?

– Да, пап. Но только в лесу. Хорошо?

– Как скажешь.

Мы отправились в путь. Перешли проезжую дорогу и начали спускаться по ухабистой, разъезженной машинами улице Возмутителей.

Погода стояла замечательная: ясная и теплая. Солнце поднималось из-за горизонта, освещив мир волшебным светом жизни. Потускневшие деревья стали отливаться золотом. Как и трава, дома, дороги, пруд.

Весь мир словно оживал. Сине-голубое небо, на котором не было ни единого облачка, казался прозрачным отражением необъятной синевы и волшебным куполом безмятежной свободы.

Теплый осенний ветерок поднимал высоко в небо засохшие листья многовековых деревьев. Они кружились подобно снежинкам в морозную зимушку.

– Дима, почему ты все еще не рассказал отцу о нашем истинном походе в лес? Он же давным-давно нас раскусил! – прошептал Вова, глядя на папу, который что-то очень бурно рассказал Тане.

– Конечно, раскусил, – ответила я. – Он же мой папа. Он чувствует тоже, что и я. Но я буду строго следовать бабушкиным указаниями. Пока она была права во всем, что было написано в ее письме из прошлого.

– А вдруг...

– Нет, Вова, не будет никаких «вдруг», – перебил я друга. – Он такой же, как мы, хоть в это и трудно поверить. Он только кажется взрослым. На самом деле он такой же фантазер и мечтатель. Так что я уверен, что мой папа пойдет с нами на поиски Иллюзиона. Поверь мне!

– Но...

– Он точно пойдет. Не переживай.

– Я надеюсь, что ты прав. Я сам-то сомневаюсь в его существование, хотя мне всего двенадцать. Если бы мне было, как дяде Андрею я ни за что не поверил бы. Наверное.

– Он поверит. Тем более письмо написано бабушкиным почерком. Он всегда и во всем доверял ей. Он ее любил и ценил, – сказал я.

Тело прокрывалось мурашками от дивных воспоминаний, связанных с бабулей. Чтобы ни заплакать, как плаксивая девчонка, я решил рассказать Вовке об утреннем волшебном происшествии. Вова смотрел на меня замороженным взглядом:

– Ты думаешь, они приходили к тебе домой! Иллаи!?

– Да, я слышал шуршание. Они прятались, скрывались. Я уверен, они пришли за драгоценным амулетом, чтобы мы никогда не нашли дорогу в их мир.

– Но ведь твоей бабушке они доверяли. Почему они нам не доверяют? – возмутился Вова. – Мы же не злые и не опасные. Мы просто хотим с ними познакомиться! И все!

– Не знаю, Вова. Скорее всего, они боятся, что мы расскажем об их народе другим людям. А эти люди расскажут другим. И так далее. Цепочка за цыпочкой. И слухи дойдут до злых людей.

– Точно! – воскликнул Вова.

– Расскажите нам, о чем вы шепчитесь? – спросил отец.

– Да, расскажите-расскажите! – добавила Танечка.

– Так о своем, о женском. О чем же еще? – сказал Владимир.

– Понятно. Тогда мы вас не будем отвлекать, девочки. Продолжайте, – сострил отец.

– Девочки-девочки! – повторила Таня и звонко засмеялась.

– Молчи, козявка! – пригрозил сестре Вова.

– Как страшно! Бе-бе-бе! – Она показала ему язык.

Мы подошли к крутому обрыву, ведущему к пруду, на берегу которого безмятежно стояли рыбаки и две старенькие, пошарканные лодки.

– Ребята, постойте-ка пока здесь. Я сейчас приду. Нужно взять весла. Никуда не разбегайтесь.

– Хорошо, – ответили мы и уселись на пожелтевшую траву.

Через пять минут отец пришел с длинными веслами.

– Ну что в путь? – спросил отец, закурив сигарету.

– Конечно, – ответил я.

– Кто первый до лодки, тот и молодец, – закричал Володя.

– Тот будет плохим и не послушным мальчиком, который пойдет обратно домой, – сказал отец. – Здесь резкий обрыв. Можно упасть и не дай Бог пораниться. Я за вас отвечаю. Так что, дети, не торопитесь и спускайтесь как можно аккуратней. Галька с песком имеют свойства скользить, особенно по скользкой траве. Таня, давай руку мы пойдем впереди.

– Нет, – возразил я. – Мы с Вовой пойдем первыми.

– И почему же? – спросил отец.

– Потому что нам необходимо обследовать спуск, чтобы удостовериться, что он безопасный. Мы не позволим, чтобы вы упали.

– Сообразительный хитрец. Значит, дерзайте! – ответил папа.

После нескольких напряженных минут спуска к пруду, мы вступили на влажный берег, окаймленный травой и галькой, и подошли к лодке, на дне которой лежали пластиковые бутылки.

Мы отплыли от городских берегов, окруженных вдалеке высокими зданиями, возвышающимися над землей, пронизывающими своими крышами голубое небо. Лодка рассекала воду, сверкающую от солнечных лучиков. Мы плыли к берегам девственной природы, где тишина и покой окутывали тело невидимым одеянием неподдельного счастья, где божественная красота и свежий воздух, без вездесущей гари и смога, помогали почувствовать единение с природой, от которой мы с каждым годом все больше и больше отдаляемся.

Сейчас, когда я пишу эти строчки из моей больничной палаты, я вижу не то великолепное сине-голубое небо и яркое солнышко, а только бело-серую пелену смога, которая облицовывает весь необъятный небосвод. На улице тяжело дышать, все загазовано. Солнце я уже не видел пару месяцев, хотя сейчас июль месяц. Человек слишком поздно понял, какой урон он несет природе.

– Димка, ты не правильно гребешь веслами, – обратился Вова ко мне. Водные брызги взлетали вверх и словно военные *бомбардировщики* обстреливали пассажиров в лодке.

– Не учи меня, как надо грести. Я сам справлюсь, – обиженным и протестующим голосом ответил я. – Сам, наверное, не умеешь!

– Я-то как раз умею, в отличие от некоторых бывалых, – ехидничал Вова.

– Молчи в тряпочку!

– Так мальчики, пожалуйста, не спорьте! – сказал отец. – Дима, это что за выражения! Почему такая злоба к напарнику, который, между прочим, прав. Гребешь ты из вон рук плохо! Я уже с головы до ног мокрый!

– А почему он смеется надо мной!?

– А ты почему не прислушиваешься к его совету? – добавил отец.

– Опускай весла глубже в воду. И не торопись! – сказала юная Танечка, которая лежала на носу лодки, опустив в холодную воду руки, и глядела на безоблачное небо.

– **Хорошо.** Простите. Я просто сильно взволнован. Я второй раз управляю лодкой. Хотел произвести на вас впечатление.

– Да ничего, дружище. Бывает. Давай покажу как надо! – Вова сел на центральное место в лодке и крепко взялся за деревянные весла. – А теперь держитесь господа, сейчас мы будем взлетать от водной поверхности. Скорость будет бешенная, как у реактивной ракеты.

– Я уже боюсь, как маленький ребенок. Как бы ни намочить штанишки! – прошептал спокойным голосом папа Андрей. И мы разразились смехом.

Владимир и вправду умел управлять лодкой, опускал весла глубоко-глубоко в прозрачную воду и поднимал их без брызг. От его движений лодка стала разгонять, плывя как быстрходный катер. Я смотрел на Вову еще с большим уважением, чем раньше.

– Фантастика! Где ты так научился? – спросил я.

– Еще до того, как мы с тобой познакомились. У нас была настоящая лодка. Не как эта рухлять! Жаль, что ее пришлось продать. Она была красавицей! Большая пятиместная лакированная лодка, выстроганная из прочной сосны. Наш отец сам собирал лодку. Я даже помню, из каких основных частей состоит каркас: килевого бруса с форштевнем, двух одинаковых шпангоутных рамок с эпоксидным клеем. Когда-нибудь я соберу такую же лодку – сам. Папа меня научит, когда прекратит... – Он остановился, его глаза засверкали влажными предательскими слезами, как и у маленькой Танечки...

...Их отец был алкашом. Он пил, не просыхая уже три года, пропивая все скопленное имущество за долгие годы и жалкие пособия по безработице. Хоть мать ненавидела и упрекала мужа, все равно не уходила от него, веря, что когда-нибудь он исправится (она его любила). Но с каждым годом становилось только хуже. Отец стал бить сына, показывая кто в доме хозяин. Их семье не хватало денег на еду. Они ходили, как бездомные дети, в старых поношенных лохмотьях, которые проносили со всей улицы добрые соседи. На нищую мамину зарплату не попикуешь. Она работа на заводе, машинистом десятитонного крана в Литейном цехе, получая за свой труд жалкие две тысячи рублей (плюс доходы от продажи козьего молока). Половину этой сумму уходили на налоги.

– Ты обязательно ее построишь! Я в этом даже не сомневаюсь, – сказал отец Андрей и улыбнулся грустном брату и сестре, чтобы разрядить напряженную обстановку.

– Построю. Вот увидите! Я вам всем обещаю (он сдержал свое обещание!). – Вова посмотрел на меня и сказал: – Посмотрите мы уже почти у цели!

Лодка врезалась в илистое дно.

Мы привязали ее стальной цепью к первому попавшемуся ржавому металлическому колышку и стали любоваться окрестностями.

Перед нами расстилалась золотистая поляна, поросшая высокой желтой травой, в центре которой росла пышная желтая береза. За полем возвышался величественный, преимущественно, еловый лес, скрывающий внутри себя загадку для человечества. Тайную жизнь Иллюзиона.

Не проронив ни единого слова, мы двинулись дальше, искреннее улыбаясь друг другу, вступая на территорию волшебной поляны. Высота травы на поле была в человеческий рост. Танечка не выдержала и побежала по поляне, утопая в ней.

– Красота! – вскрикнула она от наслаждения и неопишуемого восторга. – Пойдем же быстрее в его владение. В Иллюз... – Таня запнулась, чуть не рассказав секрет.

– Куда пойдем? – спросил папа Андрей. – Что за Илл?

– В Иллюзион, – добавил я без тени сомнения.

– Что за Иллюзион? Первый раз слышу. – Он немного подумал, и его словно озарило; брови поднялись; лицо расцвело в широкой улыбкой. – Неужели это и был ваш с бабушкой секрет. Искать какой-то Иллюзион!?

– Ты прав, папа. Это теперь наш общий секрет. Пока мы не дошли до леса, ты должен прочитать бабушкино письмо. Вдруг ты передумаешь идти дальше...

– Я надеюсь, вы не передумаете, дядя Андрей. Это будет классное путешествие. Вот увидите! – сказал Вова.

– Тогда, может, сделаем первый привал возле той березы, чтобы я мог прочитать ее письмо. Хорошо?

– Конечно! – ответил я.

– Кто последний, тот зануда и плакса кроме дяди Андрея! – прокричал Вова.

Мы втроем сорвались, словно с металлической цепи, побежав сломя голову к березе, чтобы только не носить позорного прозвища – плакса. Через секунду нашего мирового забега Вова запнулся, громко шмякнулся и скрылся в траве. Увидев его смешное падение, я засмеялся, хватаясь за живот, и остановился, чтобы перевести дыхание.

Я побежал только тогда, когда увидел, что трава стала шевелиться, словно в ней ползет огромный аллигатор или огромный бобр-переросток. Это, конечно же, полз непревзойденный Вова. Увидев, что я снова побежал, он высунулся из травы, как суслик из своей норы и побежал ко мне.

Какое же наше с Володей было удивление, когда мы увидели, как мой отец и Танечка уже стояли у дерева в ожидании ответа на волнующий вопрос: «Кто плакса?».

Я бежал изо всех сил. Но Володя догонял меня, я слышал его прерывистое дыхание и видел его тень на золотистой поляне. Я боялся упасть или поскользнуться на финишном отрезке. Но я не упал. Коснувшись твердой бело-черной коры, которая напоминала шкуру полосатой африканской зебры, я с победоносными криками упал на землю, считая себя непобедимым чемпионом и уж тем более никакой ни плаксой.

– Ура! Я не плакса! – закричал я, лежа на спине, глядя на небо, на котором появилось облачко похожее на силуэт собаки.

– А вот и нет. Ты – плакса! Я прибежал первый! – сказал довольным и веселым голосом Вова, сидя возле дерева. – Скажите, дядя Андрей, я ведь первый прибежал!?

– Нет! Это исключено! Я был первый. Я видел, – возразил я, не дав папе ответить.

– Нет! Я первый! Так что ты плакса! – закричал Вова.

Мы смотрели друг на друга, как два разъяренных петуха, которые не поделили свою территорию. Мы были готовы вцепиться в глотки друг другу, только не быть плаксами.

– Так, мальчики, не спорьтесь. У нас нет фотофиниша. Поэтому я вынужден вынести такой вердикт. Вы прибежали с одинаковым результатом. Значит, вы оба – плаксы! – смеясь, сказал папа. Мы с Вовой тоже засмеялись, и начали шуточно прыгать на папу.

– Я пошутил! Не бейте меня, злобные пираты! – сказал отец жалобным, плаксивым голоском.

– Не жди пощады от бравых пиратов Иллюзиона! – говорил я, больше обнимая отца, чем держа его в воображаемом пиратском плену.

– Юная пиратка, Таня, ты почему стоишь без дела! Держи лучше пленника великана из страны «Обзывака»!

– Хорошо, сэр! Будет исполнено.

– Ах, так! Тогда держитесь, мелюзга пиратская, я выпускаю супер-силу взрослого капитана!

Он одним движением вынырнул из наших объятий и поднял нас вверх, словно силач-акробат тяжелые гири: меня с Вовой он обхватил за талию, а Танюшка повисала на его шеи.

Наигравшись вдоволь, мы сели около дерева и достали из походных сумок боеприпасы: огурцы, колбасу, хлеб. Отец тем временем взял листок и начал внимательно читать письмо.

Через десять минут он закончил, незаметно вытирая слезы руками. Я его хорошо понимал. Он закурил. Потом сказал:

– Даже не знаю, как и реагировать на это письмо. То ли наша бабушка действительно была в волшебной стране, то ли она под конец своих дней выдумала для себя эту волшебную страну, чтобы быть в ней счастливой, – тихо сказал отец, выпуская облако сигаретного дыма. Он смотрел в сторону безмятежного пруда, в котором царила неизведанная таинственная жизнь. – Ты как думаешь, сынок? Правда или ложь в этом письме?

– Мне кажется, бабушка не за что бы ни стала выдумывать эту историю с Иллюзионом. Тем более она с ними познакомилась в далеком детстве, когда ей было, как сейчас нам с Вовой, – ответил я.

– А вот с этого места поподробней?!

Я начал рассказывать папе Андрею бабушкину незаконченную историю, с которой она со мной поделилась за пару дней до остановки ее доброго сердца. Все меня внимательно слушали, особенно отец.

Когда я закончил, папа Андрей сказал:

– Я знал, что поход будет необычным. Но чтобы на столько! Не предполагал, что буду искать волшебный мир. Бабушкины обозначенные места действительно красивые и волшебные. И находятся они не так уж далеко. Дойти до них я думаю, нам будет по силам. Только придется целый день бродить по лесу, останавливаясь по крайней необходимости. Если вы согласны пройти не меньше двадцати километров по лесным тропинкам, то я в принципе не против поисков?

– Ура!!! – завопила Таня.

– Класс! – поддержал сестру Вова.

– Ура! – подхватил я радостные ликования друзей. – Мы идем искать Иллюзион! Я так боялся, что ты не согласишься.

– Ну как бы я посмел отказаться. Составленный бабушкой маршрут очень хорош. У меня был хуже. – Папа загасил носком ботинка сигаретный басик и добавил. – Если мы хотим успеть прийти до сумерек, нам нужно торопиться. И еще одно...

– Что пап? – спросил я.

– Когда мы войдем в лес я хочу, чтобы вы далеко не убежали от меня и вели себя, как разумные взрослые дети, а не двухлетние малыши! Не прыгали с холмов, не бегали... И так далее. Хорошо? – не дожидаясь ответа, он продолжил. – Я за вас отвечаю. Не подведите меня. Я не знаю, есть или нет, этот Иллюзион, но если нам что-то будет угрожать, мы сразу разворачиваемся и уходим, без всяких «но». Договорились? – В этот момент он был похож на очень строгого и серьезного учителя.

– Да! – хором ответили мы.

– Тогда можно выдвигаться, – сказал он. Серьезность и суровость на его лице уступили доброй улыбке.

На часах еще не было девяти часов утра, как мы уже двинулись во владение густых Емельских лесов...

Глава 5

Оказавшись наедине с природой, весь мир остановился. Замер. Время стало безграничным. Городская суматоха и шум, бешеный ритм, напряженная атмосфера сменились на тягучую вселенную с ее еле слышимым ритмом и мелодичными мелодиями природы.

Огромные многовековые вечнозеленые ели возвышались высоко над землей, словно огромные великаны-стражники, смотрящие за порядком в лесу, простирая свои длинные, пугающие руки по всему лесу – веточки, из которых росли четырехгранные хвоинки, а на их кончиках шишки, покрытые грубой чешуей, внутри которой хранились вкусные семена.

Серые, необъятные стволы отливались на солнце тонкими пластинками. Длинные корни неуклюже простирались по всему лесу, впиваясь глубоко в рыхлую, плодородную землю, чтобы взаимодействовать с другими организмами, создавая природную, не делимую взаимодействующую сеть.

Завороженные красотой и величием елей и вечнозеленых сосен, мы шли по лесным тропинкам, окаймленным различными цветами, хвойными иголками и перезрелыми шишками, обходя маленькие, почти карликовые елочки, которые только начали свою долгую жизнь в лесных просторах.

На веточках бесшумно пробежали шустрые белочки, грациозно перескакивающие с одной ветки на другую. В небе над лесом парили птицы. Их звонкое пение как бы растворялось в воздухе, сливаясь со стуком неугомонно стучавшего по дереву дятла, вольготно расположившегося почти на самой верхушке сосны.

– Лови гранату! – прокричал Вова и кинул шишку в сестренку, которая оторвалась от нас, пытаюсь уловить острым взором бесшумных белок. Бросок оказался точным. Мягкая шишка попала в голову Тани. От неожиданности она даже упала. И на наше всеобщее удивление она не заплакала, а встала и улыбнулась – как будто ждала этой атаки – нахмурила брови, взяла в руки первую попавшую шишку и запустила в брата, который отвернулся от нее. Предательский снаряд случайно попал в меня, поразив мое сердце.

Так началась война.

Шишечная война. Лес стал полем боя. Безмолвие леса было в один миг нарушено дикими воплями. Шишки, словно сверхскоростные пули, летели в разные стороны, настигая вражеского противника. Недолго думая папа Андрей тоже вскоре присоединился к нам. Забыв о своих пламенных речах вести себя в лесу, как взрослый и ответственный человек, он предался детской игре, которая вернула его в то счастливое детство, когда не было ни ответственности, ни вездесущих взрослых проблем. На его лице играла улыбка. Я понял, только по одному его взгляду, что он был счастлив, как никогда раньше.

Не успел я на минуту задуматься, как на меня обрушился просто шквал шишек.

– Победа! – закричал папа Андрей. – Противник повержен!

– Мы его победили сестренка! Ты молодец! Хороший последний выстрел в ногу, от которого он завилжал и громко звякнулся попой на землю, – добавил Вова и обнял сестренку со всей теплотой и любовью.

– Папа, я думал ты за меня, – обиженно отозвался я.

– Прости, сынок. Не удержался обстрелять собственно сына шишками. – Он засмеялся.

– Эй, посмотрите! Вон там белка сидит! – взвизгнула Таня, указав на поваленное еловое дерево, находившееся в нескольких метрах от нас, на котором, как ни в чем не бывало, сидела белка.

Таня уже хотела побежать, но папа Андрей ее остановил, сказав:

– Не беги, Танечка. Ты ее спугнешь. Иди сюда! Дай мне руку.

Отец опустил руку в карман курточки и набрал большую горсть жареных семечек и отсыпал в руку довольной и счастливой Тане, которая впервые в жизни увидела своими глазами – а не по «ящику» – живую белку.

– А теперь осторожно иди к ней. Не торопись. Если она убежит, высыпи часть семечек на то место, где она сидела.

– Хорошо, дядя Андрей. Только я боюсь. А вдруг она меня укусит.

– Не бойся. Она не укусит, если не почувствует угрозу для своей жизни. Ведь ты ее не собираешь убивать или причинять ей боль?

– Конечно, нет.

– Тогда смелей. Иди! – сказал он ей. Потом обратился к нам с Вовой; мы тоже никогда не видели белок. – Вова. Дима. Держите семечки. Вдруг еще одна белка спустится, чтобы полакомиться.

Мы все взяли по горсти семечек и двинулись к белке, которая при виде четырех явно подозрительных людей ловко прыгнула на соседнее дерево и поднялась на безопасное расстояние.

Таня высыпала горсточку семечек на дерево и стала ждать. Вова с папой стояли около елей и идиотскими голосками зазывали зверьков. Я же отошел от них, к другим деревьям.

Вдруг одна белка появилась прямо перед моими ногами, посмотрела на меня и быстро вскарабкалась на дерево, сев на ветку, глядя на меня голодными, но испуганными глазами.

Я, не испугавшись, протянул ладонь к белочке, чтобы та сидя на ветке, могла уловить манящих запахов семечек. И это подействовало. Белка осторожно, просчитывая в голове каждое свое движение, спустилась к моей ладони. Зацепившись острыми коготками задних лапок за дерево, она вытянулась всем своим пушистым телом к моей ладони и передними лапками взяла одну семечку и быстро отпрянула назад, на ту же ветку, где сидела. Съев семечку, отделив скорлупку от сердцевидки, она снова посмотрела на меня. Уже через пять минут она сидела на моей ладони и грызла семечки ловкими движениями. Обескураженные друзья и мой отец стояли и не верили своим глазам. А для меня это было маленькое чудо.

Вдоволь наевшись, белочка скрылась с глаз долой.

– Вот это да! У меня сидела белка. Живая белка в моей ладони! – сказал я дрожащим голосом от приятного возбуждения, показывая свою белую ладонь.

– Класс! Ты просто молодчина. Я тебе даже завидую, Димка! – сказал Вова. – Смотрите! Белка ест наши семечки на поваленном дереве! Смотри сестренка. И в правду спустилась!

Белка взяла семечку и закапала ее в землю.

– Дядя Андрей, что она делает!? – спросила Таня.

– Это они запасаются на зиму, чтобы не умереть от голода. Так они закапывают не только семечки, но и различные орехи, часть которых хранятся в их жилищах – в дуплах, – ответил папа.

– Вау! Они такие умные. Я даже не знала!

– Откровенно говоря, я тоже не знал об этом, – признался я.

– Я тоже.

– Ну вы, ребята, даете. Эти малышки иногда забывают, куда спрятали свои запасы. Поэтому они делают для природы неоценимую услугу.

– Какую? – спросила Таня.

– А ты подумай, что будет, если зерно вкопать в землю?

– Вырастит дерево! – крикнул Вова.

– Правильно! Молодец! – похвалил его отец.

– Не сложно было догадаться, – добавил я.

– Так что знайте, дети мои, что белки не просто прожорливые грызуны и милые мордашки, которые любят семечки и другие орехи. Но и древние хранители нашего богатого леса, – сказал спокойным учительским голосом папа Андрей. И продолжил. – Конечно, все это замечательно и интересно. Но нам еще нужно пройти немало километров, чтобы найти Иллюзион. Если он, конечно, существует. Так что пора двигаться дальше.

– Хорошо, – ответили мы и улыбнулись друг другу.

– Я уже нашла для себя новый удивительный мир – лес, – сказала Таня, посмотрев на меня.

– Это точно! – добавил я, подумав про себя, что ведь она права.

Может бабушка хотела открыть нам глаза, чтобы мы увидели волшебный и удивительно-красивый лесной мир.

Мы двинулись дальше, оставив остатки семечек на пеньках.

– Пап, долго еще идти до этого камня Габбо? – уставшим голосом спросил я.

Мы шли уже больше часа. Теперь нас уже окружали стройные березы, острые ветки которых постоянно лезли в глаза, словно хотели выцарапать их. Под ногами росли вездесущие растения, окутавшие землю в свои цепкие сети.

– Не Габбо, а Габбро! – ответил отец. – Не уже ли вам про этот камень не рассказывали в школе на географии или на биологии?

– Нет. Я вообще первый раз услышал о нем в бабушкином письме, – сказал я. – Так долго еще идти?

– Что у вас за школа-то такая? – недовольно голосом пробубнил себе под нос папа. Он посмотрел на меня и сказал. – Еще минут пятнадцать, Дима. Не больше. Осторожно перейдем через проточный ручеек и будем на месте. Сейчас будут роднички. Можно будет попить и набрать во флягу чистой воды. А что уже устали?

– Самую малость, пап, – ответил я.

– Да. Выматывает, – добавил Вова.

– Путешествие только началось! А вы уже устали? Невероятно! Ты устала, Танечка? – спросил отец.

– Конечно, нет, дядя Андрей! Мы еще не видели камень Гобра и Иллаев, какая может быть усталость!?

– Габбро! – исправил отец Таню. – Это темно-серая магматическая порода, которая хорошо выделяется на фоне распростертых желто-зеленых деревьев. Он огромен. Такого камня вы еще не видели. Как и одну красивую Уральскую скалу, которую величают Стариком-камнем. Она находится совсем близко. Это вторая остановка по карте.

– Старик-камень? – изумленно спросил Вова.

– Именно. Ты не ослышался. Поймешь, почему его так называют, – ответил отец, заколдованно посмотрев вдаль на звонко журчащий ручеек, который от яркого солнца поблескивал, словно чистый, прозрачный бриллиант. – Мы пришли к ручью!

– Ура! – крикнул я, взбодрившись, даже, невзирая на то, что залез в липкую, противную паутину, во владение паука – пожирателя мух.

Пройдя небольшую проточную речку, через обмелевшее место, чтобы не намочить ноги в холодной воде, мы набрали во флягу воды и стали подниматься в гору. Соленый пот начал появляться на лбу. Мои пятки горели и ныли. Еще одно усилие. Рывок.

И мы вышли на нужное место. К камню Габбро, который был и вправду, как говорил отец, необъятных размеров, окруженный лиственными деревьями. Высота его достигала более трех метров. Снизу, на земле, лежали точно такие же камни, но только меньших размеров.

Пораженные размерами «камушка» Вова, я и Таня осторожно трогали пальчиками твердую и острую скалистую породу, состоящую из различных видов силикатов, которые спеклись в результате горно-химических реакций в единую массу. В это время папа Андрей рассматривал карту и неожиданно сказал:

– Бабушка обозначала на карте, что рядом с камнем Габбро, для нас есть важное послание. Надо здесь все обыскать. Скорее всего – это листок бумаги. Но не факт.

– А вдруг мы не найдем. Или уже кто-нибудь другой перехватил послание? – спросил я и приступил к поискам.

– Это как в книге Стивена Кинга «Побег их Шоушенга». Главный герой рассказа оставил послание другу в каменном заборе, закрыв его отшлифованным камнем.

– Вы еще, молодой человек, книги такие читаете! Не рано ли!? – озадаченный голосом спросил папа Андрея.

– Это же Стивен Кинг – классик!

– Это правда. Но в твоём возврате рано читать такие взрослые книги. Лучше прочти Джека Лондона «Белый клык» или «Повелители мух» Голдсмита.

– Они скучные и не страшные, – добавил я.

– А ты их читал в летние каникулы?

– Да. И они мне несколько не понравились. Белый клык был злым и яростным волком, который убивал невинных собачек. А «Повелители мух» не интересные, я их бросил читать на пятнадцатой странице!

– «Белый клык» родился и вырос в суровых Северных условиях. Люди его били, унижали, предавали. Собаки не признавали – он был чужаком, которого все хотели убить, видя в нем опасного зверя. Он был вынужден быть злым и яростным, чтобы выжить в Северном аду,

сражаясь за свою жизнь. Я склонен полагать, что ты этот рассказ не прочитал до конца? Так? Дабы после прибытия на юг, Белый Клык смог почувствовать новое ранее неизведанное ему чувство. Чувство любви. И стал... – отец посмотрел на мои замороженные глаза и все понял без слов.

– Ты прав, пап, я не дочитал, – честно признался я.

Тем временем пока мы болтали с отцом, Вова рылся возле дерева в горе маленьких серых камушков и нашел странный ярко-серебристый камень. Подняв его и отложив в сторону, он обнаружил под ним деревянную шкатулку, вкопанную в землю.

Вовка закричал, словно нашел пиратский клад:

– Я был прав! Я нашел! Золото ацтеков!

– Правда? – спросила Таня.

– Да. Разрисованная Шкатулка, на крышке которой изображена черная лошадь.

– Это бабушкина шкатулка! – сказал я и потянулся за ней, взяв ее в руки. – Точно бабушкина. В такой же шкатулку я обнаружил амулет и записку. Интересно, что там внутри?

Я уже хотел открыть шкатулку, как вдруг Вова резко выхватил ее из моих рук.

– Иж чего удумал! Я ее нашел, я и открою. А вдруг в ней пиратское золото!

– Да как же, пиратское золото. Фантазер!

Все наблюдали за Вовой, который медленно открывал деревянную крышку шкатулки. Видимо, боялся укуса ядовитой змеи, ждущей яростного прикосновения к его руке...

Змеи внутри не оказалось, как и золотых пиратских монет. А только небольшой пожелтевший клочок бумаги, на котором выступали синие чернила и очередной амулет синего цвета на серебряной цепочке. Если формой первый амулет напоминал человеческое сердце, то второй амулет изображал парящего на белых крылышках пегаса.

– Вот это да! Красивый амулет. Вам не кажется, что он ярко светится. Посмотрите на мою руку, – сказал Вова, поднимая вверх ладонь, в которой лежал амулет. – Она тоже светиться!

– Красота! – сказала Таня, глядя на сияющую руку брата.

– Первый амулет тоже светился и вибрировал, когда я вытащил из шкатулки, – ответил я.

– Удивительно, – воскликнул папа Андрей. – Откуда у бабушки такие дорогие амулеты. – Он взял в руку светящийся амулет и начал разглядывать. – Произведение искусства. Если я не ошибаюсь это самый настоящий сапфир, который стоит целое состояние.

– Может, это камни Иллаев? – предположила Таня.

– Возможно! – ответил радостным голосом Вова. – Наверное, в этой мире полно таких славных камушков!?

– Не будем гадать на кофейной гуще, – подметил папа Андрей. – Лучше прочитать бабушкино послание. Оно должно помочь нам в дальнейшем поиске Иллюзиона. Я прочту его вслух. Вы не против? – Мы помотали головами. – Замечательно, какие послушные детки! – Он достал из шкатулки лист бумаги, развернул его и начал читать:

«Здравствуйте, мои друзья! Если вы нашли это письмо – значит, вы уже на пути к Иллюзиону. Вскоре вас будет ждать встреча с удивительным существом Василиусом. Вы прикоснетесь к новому миру. Это будет неопишуемо!

В этой шкатулке вы нашли очередной волшебный амулет, который, как и первый, имеет свое предназначение. Он поможет вам найти Иллюзион, найти путь к звездам, сияя синим цветом. Но сейчас он слаб и плохо светится, как и красное «сердце» первого амулета. Вам нужен третий камень. Вы его найдете, двигаясь по пути, указанному на карте. Вам может показаться, что его не существует. Но поверьте – реальность обманчива! Все, что кажется далеко, совсем рядом. Тот, кого вы любите, стоит близко стоит лишь протянуть руку.

Дам лишь вам одну подсказку: «Рожденный ползать – летать не может!».

Спасибо за внимание. До встречи в следующем письме. Будьте осторожны!»

– Еще один камень и все. Нам будет показан путь к звездам. К звездам? Странно как-то, – сомневался Вова.

– А меня больше заинтересовала строчка, в которой бабушка говорила о некоем существе Василиусе.

Я задумался.

– А может, это существо способно менять свою форму и размеры, превращаясь то в белку, то в огромное дерево? – предположила Таня.

– Все возможно, – ответил папа Андрей. – С каждой минутой эта история кажется мне все более и более реальной и не такой уж фантастической. Бабушка всегда говорила, что она наисчастливейший человек, который может путешествовать каждый божий день, не выезжая из нашего тесного городка. Раньше я думал, что она говорит о вечных, дурманящих наше воображение снах. Но теперь мне становится ясно, о чем она мне так долго намекала. А эти бесценные камни? Вряд ли наша бабушка смогла бы себе позволить купить их на блошином рынке. Вывод может быть только один: она где-то их нашла. Может даже в Иллюзионе. Не правда ли, друзья?

– Она была права, что ты ничем не отличаешься от меня. Мы оба мечтатели, – сказал я, улыбаясь отцу.

– Родственники как-никак, – улыбнулся отец. – А сейчас я предлагаю перекусить. Развести костер, пожарить хлеб с сосисками или сварить суп. Потом двинемся дальше. Ну что, кто со мной за дровишками?

– Я, – сказал Вова.

– Пойдем Владимир. – Папа Андрей посмотрел на Таню. – Танечка, а ты остаешься за старшую, чтобы мой сынок никуда не убежал и не заблудился. Хорошо!?

– Хорошо. Я за ним посмотрю, – смеясь, ответила Таня.

– Понял, Дима. Слушайся Таню!

– Так точно! – Я встал и отдал честь.

– Вольно, солдат! Все, мы ушли. – Папа обнял Вову за плечо и сказал. – Ну что? Расскажешь мне веселый анекдот по дороге. А я, возможно, потом расскажу тебе.

– Да легко! – отчеканил Вова.

Через мгновение они скрылись за кронами деревьев. Издалека послышался громкий смех отца. Вова умел рассмешить любого.

– Ты рада, что пошла с нами в лес? – спросил я Таню.

– Конечно, Дима. Спасибо тебе, что взял меня с собой, – ответила она. – Я очень рада. Я первый раз в лесу. Это неопишимо, как сказала твоя бабушка. Я точно знаю, что это не последнее мое путешествие в лесу.

– Конечно. Я тоже в него влюбился. И, наверное, навсегда. Пойдешь со мной в следующий раз в туристический поход?

– Да! Пойду! – радостно согласилась она.

– Договорились. В следующий раз только ты и я!

– Обещаешь?

– Обещаю. – Я поднял ладонь на уровень плеч, сжал кулак, выставив скрученный мизинчик. – Давай свой маленький пальчик!

– Я не умею.

– Тут все просто, Таня. Ты берешь своим мизинцем мой мизинец. И отпускаешь тогда, когда мы друг другу пообещаем, что любой ценой выполним данную клятву. Поняла?

– Ага, – ответила она.

После этого детской церемонии мы засмеялись и Таня меня поцеловала в щечку. Я резко отпрянул от нее. Само собой мне эти щенячье нежности не понравились. Но все равно я покраснел, как помидор. Она тоже.

Через пару минут пришли весельчаки с дровишками и разрядили обстановку.

Чуть позже зажегся красный огонек, черный дымок которого витиевато поднимался вверх к воздушным облачкам, заполонившим чистое голубое небо.

Подкрепившись сосисками и хлебом, поджаренными на костре, мы еле встали на ноги, держась за животы, и двинулись к Старику-камню.

Мы проходили мимо скалистых Уральских гор, усыпанных высокими елями и соснами. Горы возвышались на тысячу метров; их кончики тонули в пелене пористых облаков.

Сверху пролетела стая птиц.

Солнце по-прежнему припекало очень сильно, как летом.

– Я начинаю уставать. Как же высоко этот Старики-камень. Пока идем можно составить, – пробубнил Вова. – Потом еще домой идти!

– Даже не хочу думать про обратный путь домой, пока мы не найдем Иллюзион, – сказал я, посмотрев на Вову упрекающим взглядом.

– А что если мы его не найдем? Будешь здесь ночевать? Или на веки вечные останешься здесь жить и посветишь поискам Иллюзиона всю оставшуюся жизнь?

– Я не это имел виду. Не собираюсь я ночевать в лесу. Я хотел сказать, что нам надо держаться, надо верить и продолжать идти вперед! А не канючить, как это делаешь ты последние десять минут!

– Я не канючу! Я просто устал.

– Я тоже устал, но я же не стону. Даже твоя сестра и то не такая неженка, как ты!

– Сам ты неженка!

– Не обижайся, дружище! Но посмотри, как Таня радуется сегодняшнему дню. Так что, прекращай! Скоро найдем эту страну, и я тебе уверяю, домой мы полетим на волшебном ковровом самолете, любезно предоставленном Иллаями, – мечтал я.

– Я не обижаюсь. Но больше не называй меня неженкой, понял? – Вовка посмотрел на меня злобным взглядом, сжав кулачок.

– Да идти ты в баню! Неженка! – смеясь, ответил я.

И вот тут случилось непредвиденное. Вова обезумел от моих шуточных слов и ударил кулаком меня по плечу. Я упал наземь. Вова навалился на меня и принялся орать:

– Извинись!

– Ты с ума сошел, Вова! Я же пошутил, чертов псих! Слезь с меня!

– Извиняйся!

– Хорошо. Извини меня, пожалуйста. Я был не прав.

– Вот так-то лучше! А-то неженку нашел!

Вова слез с меня, потрусил к папе и Тане, которые отделились от нас и не заметили нашей ссоры.

Я, ошарашенный и побежденный, лежал на земле, все еще не понимая, что, собственного говоря, произошло.

Лучший друг меня ударил? И почему? Из-за простой шутки.

Я поднялся с земли, поднял глаза и остолбенел. Передо мной стоял некто, ни животное, ни человек. Точнее даже не стоял, а парил над землей. Ростом он был не более полуметра. Его голова была округлой, как арбуз, а длинные седые волосы и борода, колыхаясь на ветру, ниспадали до самой земли. Он улыбался мне. За его спиной мерцали еле заметные полупрозрачные крылышки. Голубые глаза, смотрели на меня через призму очков, свисающих на его картошкаобразном носе. В руках, так схожих с человеческими, он держал листок бумаги и белое перышко.

Я зажмурился, что было сил. Мне это почудилось, подумал я. Открыл глаза. Ничего не изменилось. Некто все также смотрел на меня и улыбался.

– Здравствуй, странник! Тебя приветствует Василиус, житель Долины Цветов Иллюзиона, – представился некто.

– Здравствуйте! – Голос мой дрожал.

– Не волнуйся так, о мой юный друг. Ваша бабушка очень долго жила в нашем мире. И продолжает жить и сейчас.

– Но как такое возможно? Ведь бабушка умерла? – возмущенно спросил я.

– Я думал, ты более смысленный, внук великой женщины человеческого рода, – сказал он и подлетел ко мне ближе. Я увидел на его лице глубокие старческие морщинки. – Ее душа всегда будет в наших сердцах, а ее доброта – в нашей памяти. Поэтому пока мы ее помним и любим, она всегда рядом с нами. После смерти человек умирает физически, но не духовно. Верно? Или ты молодой человек мне не веришь?

– Я вам верю. Ее частичка души осталось в моем сердце, – ответил я, еле сдерживая слезы. – Я никогда ее не забуду!

– Ты молодец. Ты достойный приемник, как и твой мужественный и умный отец, идущий за руку с маленькой Танечкой, у которой безгранично доброе сердце, озаряющее всю лесную округу. Только вот мне не нравится Владимир. В его сердце есть место злобе, неоправданной ярости и корысти.

– Про что вы такое говорите? Что значит приемник? И причем здесь Владимир?

– Скоро вы все сами поймете без моих разъяснений, когда найдете третий волшебный амулет. Но ты должен запомнить одну вещь, что когда душа человека в смятении, то она начинает раздваиваться на две простые фазы: добра и зла. У твоего друга происходит что-то похожее. Ты обязан ему помочь, пока еще не поздно. Он хороший друг, который обрел силу зла. Плохую силу, как ты понимаешь. И если ты не успеешь его вовремя остановить, то Владимира уже ничем не спасти. Ты понял?

– Да. Я ему помогу.

– Помиришься с ним, ни смотря на свою гордость. Обида уйдет, словно ее ветром унесло. Помоги ему понять, что он был не прав.

– Я извинюсь.

– Ты молодец. Ну вот... наше время и стекло. Ты сейчас проснешься и уведешь перед собой ошарашенные лица своих любимых друзей. Береги их. – Он посмотрел на небо и сказал. – Прощай. Мне пора улетать! Скоро увидимся!

Он взлетел воздух и скрылся в небе. Я открыл глаза...

– О боже! Мы так перепугались, – воскликнул отец и обнял меня. Я почувствовал нежные прикосновения его теплых рук. – Что случилось?

– Я пытался догнать Вову. Мы с ним решили поиграть в «ляпки», пока вы шли вдалеке. Так ведь, Вовка?

– Да, – ответил тот, опустив глаза вниз.

– Я запнулся об корень и упал. А потом увидел ваши взволнованные лица. И все. Больше ничего не помню, – ответил я, вставая с сухой земли. Отряхнулся. Я все отлично помнил. И Вовину ярость, и волшебное существо – Василиуса, парящего в небо, как легкое перышко. Просто решил, что маленькая ложь сладче, чем горькая правда.

– Аккуратней надо! Я же предупреждал вас о безопасности. Тем более в такой местности. А если бы мы были на крутом склоне, усыпанном хребтами острых камней, и ты бы поскользнулся? Что тогда? Боже! Даже не хочу об этом думать!

– Но их же не было! – ответил я.

– Не перебивай меня, Дима! – прохрипел сердитым голосом папа и продолжил свою воспитательную речь. – С этого момента больше никаких развлекательных пробежек. Еще раз

увидю нарушение дисциплины в глубине Емеленских лесов, сразу повернем обратно домой! Понятно!?

– Да, – ответил я.

– Хорошо, дядя Андрей, – ответили брат и сестра.

– Ну, детишки, вы меня удивляете с каждой минутой все больше и больше. То жалуетесь, что устали и якобы валитесь с ног от усталости. То бегаєте по лесу, простите, как угорелые обезьяны, забыв про недавнюю усталость. – Он надевал через плечо рюкзак. – Ладно, проехали! Сынок, ты как? Дальше можешь идти? Голова не кружится? Не тошнит?

– Нет, пап. Все нормально. Пойдемте, – ответил я.

Мы двинулись дальше в безмолвной тишине, слушая пение птиц.

Через полчаса мы были на месте. Скала была великолепна. Настоящее чудо! На скале был изображен портрет человека (почему старика я так и не понял) в профиль, выложенного из огромных скалистых глыб Уральских гор, состоящих преимущественно из кварцита, известняка и песчаных пород.

Глядя на скалу, невольно начинаешь задумываться, что это замысел какого-нибудь гениального скульптора, который незаметно выгравировал из бесформенной и безликой скалы великую скульптуру, потрясающую взор путешественников со всего света. Но это только иллюзия. Ее создала сама мать-природа из простых горных ингредиентов и розы ветров.

– Это потрясающее!

– Точно, – поддержал меня отец. – Пойдем те ближе. Шкатулки здесь точно нет.

– Мне уже не терпится, – сказала Таня и взяла за руки папу Андрей.

Удивительно, как они быстро сблизились друг с другом.

– Дима, возьми мою руку? – спросил отец.

– Да. Я думал, не спросишь!

– Вова? Бери руки Димы! Нечего отделяться от других.

Он без раздумий обнял меня за плечи.

– Извини меня, Дима. Я не хотел...

– Не извиняйся! Оба виноваты, – перебил я его.

– За что это вы извиняетесь, – спросила любопытная Таня.

– Это наше, женское. Не обращайтесь внимания, – сострил Вова, и мы засмеялись, спускаясь по крутому склону к Старцу-камню.

На этот раз поиски деревянной шкатулки непредвиденно затянулись. Мы обыскали каждый камушек, каждое деревцо, каждый кустик. И ничего. Проходил час. Стучался третий. А за ним петлял четвертый.

– Нам никогда ее не найти! – крикнул расстроенный Вова и выкинул камень в глубь красных рябин.

– Неправда! – воспротивился я. – Мы не должны сдаваться. Бабушка сказала, что шкатулка ближе, чем мы думаем. Не нужно отчаиваться.

– Видимо, не так рядом, как ей казалось, или мы не правильно ищем клад, – сказал отец. – Может быть, нам вообще не следовало было заглядывать под мелкие камушки и рыть землю в надежде, что мы наткнемся на желаемую шкатулку. Может, она спрятала ее в скале, хоть это и звучит брегово? Что думаете, ребята?

– Я не знаю, – ответил я.

– Я видела, когда мы спускались к подножью скалы, небольшую щель. Может, она там? – предположила Таня.

– Что же ты молчала!? – воскликнул Вова. – Пойдемте же проверим! А вдруг шкатулка спрятана именно там!?

– Не торопись! – сказал мой отец. – Или ты забыл о нашем уговоре?

– Нет! – ответил Вова.

– Молодец. Давай свою руку... Крутой склон – ошибок не прощает.

Мы спустились к тому месту, про которое говорила Таня – и увидели черную щель в серой скале.

Я без промедлений согласился просунуть руку в скалистое отверстие...

Сердце у меня замерло, перестало биться, когда я прикоснулся к холодной скале; за скалистой стеной скрывалось что-то темное, что-то неизведанное, что-то таинственное. Мурашки побежали по спине. Я просунул руку в щель, ощутив слабое дуновение ветра. Кисть полностью утопала в крошечной тьме. Мне казалось, что сейчас в руку вцепиться черная, извивающаяся гадюка – стражница шкатулки, которая пронзит меня молниеносным ударом, выпуская в мою кровь яд, от которого я лишусь чувств и умру. Я прикоснулся к чему-то. Испугался, что это разящий смертельный укус змеи и со страшными криками высунул руку, тряся ей, как сумасшедший.

– Дим! Что такое? – взволновался отец.

– Меня укусила змея! – закричал я, все еще держась за якобы укушенную руку.

– Где? Дай посмотреть!

Я показал отцу руку, зажмурил глаза. Он облегченно вздохнул. Я открыл глаза. Никого укуса.

– Дима, ты что, хочешь, чтобы я заработал инфаркт? Второй раз меня испугал. Никого укуса. Тебе показалось.

– Я к чему-то прикоснулся. Я подумал, что это змея, – оправдывался я.

– Трусишка зайка серенький по лесу бродил, – запел Вова.

– Смейтесь, смейтесь, – обиженно пробубнил я и обратно засунул руку в горную щель, дотянувшись до того же места. Это оказалась не змея, а какой-то рычаг. Указательным пальцем я дернул его на себя, как будто знал об этом. И тогда случилось непредвиденное.

Скала завибрировала. Земля затряслась. С ужасным грохотом и треском в скале появились глубокие щели, образовавшие метровую скалистую дверцу, которая отворилась, выступив из единого хребта.

– Что это было? – спросил ошарашенный Вова.

– Мы открыли вход в скалу. Там наверняка шкатулка! – сказала Таня.

– Никогда такого раньше не видел. И не думал, что когда-либо увижу. Удивительно! Настоящее волшебство, как в старой доброй сказке.

– Надо проверить!

Я подошел к скале, приоткрыл тяжелую дверь, ведущую в неизвестность. Почувствовал затхлый запах и увидел лестницу, ведущую вниз.

– Здесь есть лестница! – крикнул я остальным путешественникам.

– Дима, остановись. Это опасно! – Отец схватил меня за плечо. – А вдруг там живет опасное чудовище, не прочь полакомиться твоим сочным, жирным мяском и сладкой кровушкой.

– Пап, не будь маленьким! Никаких БУК – нет. Они не существует.

– Я тоже раньше не думал, что есть скрытые входы в скале! Так что не будем об этом.

– Хорошо. Но останавливается слишком поздно!

– Я тоже так считаю. Поэтому я пойду первым. Я не хочу, чтобы мой сын рисковал жизнью. Тем более фонарик у меня.

– Ух... Я уже подумал, что ты передумал, – сказал я.

– И я, – добавила Таня.

– Постойте-ка. Все помнят правила поведения? Идем медленно и аккуратно. Не торопимся. Если что-то мне не понравится, мы сразу разворачиваемся и уходим! Понятно?

– Да! – хором ответили мы.

– Отлично! Тогда пойдете.

Глава 6

Высокие и скользкие ступеньки, ведущие вниз, сверкали в слабом свечении отцовского фонарика. Опускаясь вниз, становилось холодней. Каменные и скользкие стены удлинились. Некогда метровый потолок становился все выше и выше.

Мы шли молча, прислушиваясь к голосу пещеры.

– Невероятно! – нарушив безмолвную тишину голос отца. – Кажется, я вижу еще одну дверь.

– Мне страшно, – призналась Танечка, прижимаясь ко мне. Я сжал ее руку и прижал девочку к себе, пытаясь изо всех сил не выказать своего собственного волнения и ужаса перед неизвестным. Я аккуратно ступал шаг за шагом, нащупывая обломки скалы у себя под ногами. Позади нас простиралась кромешная тьма. Вдруг папа остановился.

– Ребята не пугайтесь, мы скоро упремся в каменную стену!

Я стал пристально вглядываться вперед и действительно, впереди был тупик.

Всей гурьбой мы без промедлений начали искать хоть какую-нибудь зацепку, хоть что-нибудь, что подсказало бы нам как следует действовать дальше. Немного погодя, в стене мы обнаружили очередную волшебную дверь, только она была плотно закрыта.

Сквозь узкие щели между дверью и стеной мы заметили тусклый льющийся свет. Он как бы манил нас и в тоже время отталкивал. Было поистине страшно интересно.

– Чтобы это могло быть, пап, – спросил я у отца.

– Хм...возможно это сталактиты или сталагмиты, хотя в нашем случае это может оказаться что-то более интересное, – ответил с загадочной улыбкой отец, а затем скомандовал. – Давайте обходим пол. Не зря ведь бабушка написала в письме – «Рожденный ползать – летать не может.»

Присев на корточки, я тут же нащупал подле своих ног какой-то камень, очень напоминающий формой обыкновенный кирпич. Я всячески его пытался поднять, сдвинуть смета, но все было безрезультатно. Абсолютно вымотавшись, я хмыкнул и пнул его что было мочи. Кирпич ушел под землю – и дверь отварилась.

– Уж ты! Кто? Кто это сделал? – заликовала Таня.

– Это я...

– Да ты настоящий Индиана Джонс! – похвалил меня папа.

– Ну что ты стоишь, открывай быстрее дверь! – нетерпеливо крикнул Вовка.

Я, затаив дыхание, открыл двери. Нас ослепил ярко голубой свет. Танечка на мое удивление без доли сомнения шагнула за порог. Глаза у нее были широко распахнуты. Она заворожено любовалась здешней красотой.

Это место было действительно сказочное. Я даже на мгновение подумал, что мы в Иллюзионе. Однако чудесный Иллюзион оставался для нас по-прежнему еще неразгаданной загадкой. Перед нами во всей своей красе предстали миллионы сталактитов, свисающих с потолка пещеры. А с неровного дна тянулись вверх прозрачные и длинные сталагмиты, которые напоминали мне стволы деревьев. Некоторые соединялись друг с другом, образуя сталагнат. В центре пещеры тек грязный ручеек. Танечка пошла к нему, а за ней – мой отец. Мы с Вовой решили не терять ни минуты драгоценного времени и начали осматривали местность.

– Куда же твоя бабушка спрятала третью шкатулку? – ворчал Вовка.

– Если бы я знал, то давно бы нашел. Открыл. И попал бы в волшебный мир.

Я тщательно осматривал все кругом, рыскал глазами по каждому потаенному уголку, но опять-таки ничего не находил. В голове у меня крутилась мысль. Я хотел рассказать Вове о Василиусе. Но никак не мог решиться, однако вскоре мое желание поделиться увиденным чудом взяло вверх над моей нерешительностью, и я окликнул Вовку.

– Помнишь, когда ты меня ударил, и я потерял сознание?

– Конечно, помню, – ответил он, сморщив рожицу, на лице выступили вены. – Но я же извинился перед тобой! Что ты еще хочешь от меня? – В голосе Вовы прозвучали злобные нотки.

– Я не об этом. Когда я потерял сознание, я кое-кого встретил, там, в лесу. Я встретил волшебное существо – Василиуса.

– Тебе приснилось все это! Не придумывай!

– Нет, не приснилось.

– И кто же он, на кого похож!?

– Не ехидничай, Вова. Ни на человека, ни на животное он не похож. Это существо с маленькими крылышками за спиной. Он волшебник, наверное.

Вовка захихикал.

– Я серьезно, Вова! Я его видел! Он был реален, как ты, как эта пещера. Я клянусь! Когда ты убежал вперед, он подлетел ко мне и попросил меня простить тебя, чтобы дать тебе шанс попасть в Иллюзион!

– Опять ты за свое. Что мне теперь, перед тобой на коленях стоять и извиняться? Да, пошел ты, засранец! – Он встал и отвернулся от меня.

– Именно об этом мы и говорили с ним. Ты становишься злым, озлобленным на весь мир.

– И что из этого?

– А то, что тебя могут не пустить в Иллюзион. Ты этого хочешь, да?

– Не тебе решать, кто в него попадет, – фыркнул Вова.

– Я знаю. Это решит Василиус!

– У тебя уже крыша дымится. Нет никого Василиуса. Тебе приснилось.

– Нет, есть!

– Признайся честно, ты просто хотел, чтобы я перед тобой еще раз извинился. Хотел меня унижить?!

– Я жалею, что тебе рассказал. Ты превращаешься в своего отца! – сказал я, и только потом осознал, что я не имел права так говорить. Мне стало тошно от самого себя, от своих слов. Вова, ничего не ответив, развернулся и отошел в сторону. Он уселся на каменный холодный пол и заплакал, закрыв лицо руками. Я задел его за живое. Мне было стыдно. От злости я размахнулся ногой, хотел было ударить по сталагмиту, но промахнулся. Шаркнул пяткой по пыльной земле, подняв вверх клубы пыли, и увидел на полу пещеры стрелку...

– Смотрите! Я нашел стрелку, указывающую нам направление!

Ко мне подбежали папа с Таней.

– Нужно расчистить всю поверхность. Мне, кажется, это стрелка не единственная, – сказал папа Андрей.

Мы начали судорожно расчищать пол от накопившейся с годами пыли. Вова в это время по-прежнему сидел на камне, положив голову на колени.

– Что случилось в этот раз, Дима?! – спросил недовольный отец. – Опять поругались из-за пустяка!?

– Не совсем из пустяка. Моя вина, – сказал я, обнаружив для себя, как легко признался отцу в своей провинности перед другом.

– Так извинись перед ним – и дело с концом. Вова простит тебя, если он тебе настоящий друг. – Папа посмотрел на меня серьезными и уставшими глазами. – Порой, чтобы сохранить дружбу, нужно уступать. Ведь друзей хороших и верных мало. Надо дорожить друг другом, Дима. Ты понял меня?

– Да, пап. Я понял. – Я побрел извиняться перед Вовкой.

Заметив мое приближение, он отвернулся, давая мне понять, что я ни вовремя и не к месту и то, что мне лучше уйти, оставив его в одиночестве, наедине со своими мыслями. Но я принципиально не хотел этого делать. Поэтому я сел рядом с ним, не сказав не единого слова, и обнял его.

– Уйди от меня! Я тебя ненавижу! – прокричал Вовка, пытаясь вырваться из моих объятий. – Ты причинил мне боль. Ты же знаешь, как я люблю и ненавижу своего отца. Ты знал, что это больная для меня тема. Пошел вон от меня!

Он плакал.

– Прости меня. Я не со зла! Мы должны помириться и до конца пройти это путешествие. Без тебя нам никак! Что скажешь!?

– Нет. Мы с тобой больше не друзья.

– А я думаю, мы с тобой лучшие друзья. И навсегда ими останемся.

– Это в прошлом! – Вова ударил меня по ребрам. Я взвыл от боли, заскулил как щенок, но не отпустил его. Я от злости повернул Вову лицом к себе.

– Мы должны пообещать друг другу, что больше никогда до конца наших дней, я повторяю НИКОГДА, чтобы ни случилось с нами, не драться и не ругаться, не обижать друг друга, не предавать друг друга, а только защищать и помогать друг другу! Если кто-то нарушит договор, то можно разорвать нашу дружбу на мелкие кусочки, как листок бумаги. Сжечь. А прах развеять по ветру. Как ты на это смотришь?

– Я согласен!

– Хорошо. Тогда мир? – спросил я и отпустил его, протянув ладонь.

– Только при одном условии...

– При каком? – спросил я.

– Что бы ты меня больше так не обнимал. А то люди не правильно поймут. Ты понимаешь!? – На его некогда хмуром, заплаканном лице появилась скромная улыбка.

– Согласен, – улыбнулся я. И он пожал мне руку. – Я рад, что мы заключили этот договор!

– Я тоже, – поддержал меня Вова и стряхнул со щеки слезы.

Я помог ему подняться с земли. И мы побежали к Танечке с папой.

– Дима, Дима, – кричала Таня, – мы нашли еще две стрелки, которые указывают вон на то отверстие в стене, там должно быть спрятана еще одна шкатулка.

– Действительно, они ведут туда. Нужно аккуратно туда забраться и достать ее.

Отверстие находилось на достаточно высоком расстоянии от земли. Добраться до него можно было только одним способом: вскарабкавшись по довольно-таки крутому склону, окруженному переливающимися в свете фонарика сталактитами.

– Я пойду первый, – вызвался папа, – а ты, Дима, пойдешь за мной, взяв за руку Танюшу. Вова будет замыкающим. Понятно?

– Да! – хором ответили мы.

Путь был достаточно опасный. Отец чуть не поскользнулся на сухом гравии, но быстро подтянулся и избежал падения. Потом я чуть не удержал Таню, но в последний момент успел схватиться свободной рукой за сталагмит. Я думал, мое сердце выскочет из моей груди, так сильно оно колотилось.

– Спасибо, Дима, – поблагодарила меня Танечка.

Мои глаза любовались ее красотой. Белокурые кудряшки касались ее хрупких плечиков, щеки покрывал розовый румянец, около красных губ красовалась маленькая родинка, а ее карие глаза были просто обворожительны.

«Я влюбился?» – подумал я.

Добравшись до отверстия в скале, мы вздохнули с облегчением. Теперь можно было на мгновение расслабиться. Однако теперь предстояло туда кому-то из нас залезть. Мы переглянулись.

– Может, попробуешь ты? – обратился ко мне отец.

– Конечно, – сказал я, взял в руку фонарик и сначала осветил им в бездонную тьму. Внутри, среди ползающих огромных пауков, лежала шкатулка. Как же я ненавидал всех этих насекомых, особенно мерзких пауков. Хотел было уже закричать, как вдруг увидел в глубине отверстия две пары светящихся красных глаз. Я начал приглядываться к ним, а что если это был всего лишь свет, пробивающийся извне. Однако, вскоре эти красные точки начали быстро приближаться ко мне. Я с бешеным криком высунулся из щели и нагнулся, обхватив голову руками, испугав отца, Таню и Вову. Через секунду в воздух взмыли летучие мыши. Все взвизгнули.

– Боже, что это! – вскрикнула испуганная Таня.

– Летучие мыши, – сказал ошарашенный отец.

– Там шкатулка, папа! Ее надо достать. Кто туда полезет?

– Брр... – поморщился отец.

– Я, – самоотверженно сказала Таня.

– Нет, – возразил отец. – Это опасно.

– Пап, мне не дотянуться. Тебе тем более. Больше нет вариантов.

– А если змея? Или еще что?

– Но другого выхода нет, пап!

– Нет, – возразил отец. – Есть! Мы разворачиваемся и идем домой.

В то время пока мы спорили с отцом, а Вова отчужденно разглядывал местные окрестности, Таня вырвалась из моей руки и проскользнула в черное отверстие в скале. Через мгновение, довольная и непоколебимая, словно героиня приключенческого романа, она вылезла из расщелины, облепленная с головы до ног паутиной, но со шкатулкой в руках. Она посмотрела на наши шокированные лица, улыбнулась и сказала:

– А вы боялись!

Мы дружно спустились обратно вниз. Довольные и счастливые. Таня уселась на краешек камня и открывала шкатулку.

В шкатулке мы обнаружили две вещи: еще одно бабушкино послание на пожелтевшем клочке бумаги и третий зеленый амулет. Формой он напоминал медведя, скалящего острые, как бритва, зубы. Амулет показался мне страшным и зловещим. Он был, как и остальные камни, драгоценным. Папа Андрей без проблем определил, что амулет изготовлен из изумруда.

– Можно я прочту сообщения из прошлого? – спросил я у Тани, которая держала в руках письмо.

– Давай, – ответила она и протянула мне пожелтевший от старости листочек бумаги.

«Здравствуйте, мои юные путешественники! Я надеюсь, вы нашли мою третью шкатулку и сейчас читаете эти строки, написанные в холодный, морозный январский день, когда за окном целый день кружили белоснежные снежинки, окутывая необъятную землю белым покрывалом.

Сейчас вы находитесь в голубой пещере. Я называю ее «Голубикой».

Вы прошли большой путь. Надеюсь, познакомились с лесными обитателями. Как хорош этот лес. Правда? Я всегда любила наслаждаться его безмолвием и его необыкновенной красотой. Любила находиться среди грациозных и величественных, отполированных до самой верхушки Уральских Гор, а также любила бывать здесь в голубой пещере.

В этих местах я по-настоящему жила. Я парила здесь, как одинокая и гордая птица, возвышаясь в густую пелену облаков, забывая обо всем на свете. Вот где настоящая магия и волшебство.

А теперь об Иллюзионе.

Вам представится возможность попасть в живую сказку с помощью этих амулетов, которые вы нашли в моих деревянных шкатулках. Они покажут вам дорогу в царство Иллаев. Для этого будет достаточно объединить их и подбросить как можно выше, к небу. Как бы это не звучало нелепо, но они начнут крутиться, как заводные механизмы, обмениваясь нескончаемой энергетикой драгоценных камней, издавая звуки, напоминающие раскаты летнего грома. Их сияние укажет вам путь к Иллюзиону.

Сейчас вам нужно выйти из пещеры через каменную дверь, расположенную в конце пещеры. Будьте осторожны, ибо перед самым выходом из голубой пещеры образовался глубокий овраг, черная пропасть, уходящая глубоко вниз.

Ах да, и еще, парящие амулеты обязательно нужно взять с собой в Иллюзион. Они имеют свое предназначение. Без них вы не вернетесь домой.

Ну, вот и все. Пора прощаться. Осталось только пожелать вам удачи!

Удачи! Я вас люблю!»

Когда я прочел сообщение, мне показалось, что через меня прошло еле заметное облако. Я вздрогнул. Я почувствовал дыхание бабушки. По коже поползли мурашки.

– Что с тобой, Дима? – спросил отец.

– Все нормально. Просто показалось. Привиделось.

– Неудивительно. В таких местах все, что угодно может случиться.

– Я недавно видела эльфа. Он мне улыбался доброй старческой улыбкой, – весело сообщила всем Танечка.

– Я тоже видел хобитов и вампиров, которые сражались из-за бутылки пива! – сострил Вова.

– Как смешно! – со злыми нотками в голосе ответила она. – Зато мне, Дима, верит!

– Я тоже тебе верю, Таня, – добавил мой отец и обнял ее. – У тебя доброе сердце. Сохрани его таким до конца своих дней. Хорошо?

– Хорошо!

Посмотрев на эту душераздирающую картину, я, не удержавшись, обнял со всей любовью отца, которого, не смотря на все наши споры, любил, люблю и буду любить до конца своих дней. От наших нежных прикосновений отец стал еще шире улыбаться.

На мое большое удивление Вова не стал острить и умничать, а подкрался незаметно к нам и тоже обнял нас. Мы стали единой семьей. Лучшими друзьями.

Глава 7

Пробираясь через неровную скалистую поверхность Карстовой пещеры, мы наткнулись на полчище черных рыцарей. Они висели головой вниз прямо под нами. Они сладко спали, как покормленные матерью младенцы, прижимались друг к другу черными плащами, согревая себя. При виде стаи летучих мышей Танечка чуть не закричала, однако сдержалась. Мы потихоньку, не издавая громких звуков, которые могли бы разбудить летающих Кровопийц, прошли мимо них и вздохнули с облегчением. Все-таки было что-то в них такое зловещие и страшное, хоть они и были не больше пятнадцати сантиметров в длину; казались, совсем безобидными. Ведь не зря летучая мышь является символом грез, кошмаров, призраков и безумия.

Мы продвигались все дальше и дальше и с каждым пройденным метром – стены пещеры сужались. Вскоре стало совсем темно и жутко. И было такое ощущение, будто бы стены сейчас нас раздавят.

– Я боюсь, – заплакала Татьяна. – Мне страшно!

– Не бойся. Скоро будет светло и стены расширятся, – успокаивающим голосом говорил я, стараясь загасить в себе нарастающие страх и панику. Я уже еле-еле протискивался между стенами.

– Ребята, мы пришли. Придется развернуться боком и поднатужиться. Последний метр – узок, – сказал отец, усиленно пыхтя. – Все на месте. Некого по пути не потеряли?

– Всё, – ответил Вова. – ЖУТЬ! Еще бы чуть-чуть и я бы описался.

– Недолго осталось. Давай руку, Таня.

Через некоторое время мы выбрались из узкого прохода. Теперь перед нами было новое препятствие, о котором говорилось в послании бабушки. Огромная трещина разделила пещеры напополам.

– Ужас! – вскрикнул Вова, когда посмотрел в логово черной пасти. – Если туда упасть, то ...

– Такого я еще никогда не видел, – сказал отец. – Она уходит на сотни метров глубоко вниз. Страшно представить, что через нее нам нужно перепрыгивать!

– Хорошо, что пропасть всего полтора метра в ширину, – подметил я.

– Всего-то. Давай попробуй. Перешагнуть!

– Смотрите, – сказала Таня и кинула камень вниз. Он исчез. Его поглотил широкий, улыбающийся черный рот. Мы с нетерпением ждали, когда же камень ударится о дно ямы. Но мы так и не дождались. Он провалился. И летел и летел. Возможно, даже попал в другое измерение.

– Обалдеть, – шепотом произнес Вова. – Она безгранична!

– Это точно, – сказал отец. – Была бы возможность, я повернул бы. Но надо прыгать. Другого выхода нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.